

ПОПАДАНЦЫ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

ЯД ДЛЯ ИМПЕРАТОРА

Его убьют вчера

Попаданцы специального назначения

Андрей Гончаров

Яд для императора

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончаров А. А.

Яд для императора / А. А. Гончаров — «Эксмо»,
2016 — (Попаданцы специального назначения)

ISBN 978-5-04-133822-0

Группой ученых при высшем руководстве России разработан совершенно секретный проект по заброске в прошлое оперативно-следственной группы. Трое агентов, двое мужчин и одна женщина, должны на месте разобраться с загадочной смертью императора Николая Первого, разоблачить преступника и тем самым изменить вектор невезения, которое с тех пор стало преследовать Российскую империю. Задачу сильно усложняло то обстоятельство, что агенты могли попасть в прошлое голыми и без каких-либо предметов. Оставалась надежда лишь на их высочайший профессионализм, смелость и находчивость...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-133822-0

© Гончаров А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Гончаров

Яд для императора

© Гончаров А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Разговор проходил не в главном кабинете Его превосходительства, в котором он обычно работал, а в каком-то небольшом кабинетике, располагавшемся в конце коридора, в тупике. Но это было не оттого, что Его превосходительство считал разговор неважным, недостойным своих роскошных апартаментов. Совсем наоборот: разговор был необычайно, небывало важным. А поэтому его было необходимо держать в полном секрете. И разговор, и теперешнего собеседника Его превосходительства – щуплого белокурого человека невысокого роста с полным лицом и располагающей к себе улыбкой. Этого человека не должны были видеть ни секретари, ни помощники Его превосходительства – вообще никто. Потому и был перенесен важнейший разговор в эту невзрачную комнату, и прошли они сюда вдвоем, так, что гостя никто не видел.

– Слушайте меня внимательно, – произнес Его превосходительство. – Вы знаете, я повторять не люблю, не в школе. Итак, император Николай должен умереть не позднее 1860 года. При этом смерть его должна выглядеть совершенно естественной и не возбудить ни малейших подозрений. Вы меня поняли? Ни малейших! Поэтому я и даю вам такой большой промежуток времени, чтобы вы могли по собственному усмотрению выбрать удобный момент. Чтобы причина, которая могла бы свести русского царя в могилу, была естественной и понятной. Такой причиной может стать болезнь, несчастный случай, пожар... Не знаю, не буду гадать. Вы человек умный и опытный – по крайней мере, так вас рекомендовали, – и сами сможете выбрать и причину, и момент. Вы все поняли?

– Да, Ваше превосходительство, – отвечал гость. – Задание вполне понятно. Но... Могу я позволить себе один вопрос?

– Спрашивайте, – кивнул хозяин кабинета.

– Я никак не могу уразуметь, почему именно император Николай? Ведь у наших стран прекрасные отношения! Можно сказать, мы союзники. Я понимаю, что это не в моей компетенции, что такое решение принимали умнейшие мужи нашей страны, но понять его не могу...

Гость ожидал вспышки гнева со стороны Его превосходительства, однако ее не последовало.

– Хорошо, я отвечу на ваш вопрос, – сказал хозяин кабинета. – И рад, что вы его озвучили, не затаили в себе. Я всегда говорю: исполнитель приказа должен понимать его смысл и значение. Иначе он может совершить непоправимую ошибку. Итак, почему император Николай?

И затем Его превосходительство коротко и четко, как только он умел, изложил подчиненному причины, по которым тот должен был исполнить приказание.

– Ну, теперь у вас остались какие-то вопросы? – спросил он, закончив свое объяснение.

– Нет, Ваше превосходительство, теперь мне все ясно, – ответил гость.

– Тогда держите вот это, – сказал хозяин кабинета и протянул гостю небольшой металлический сундучок – размерами он походил на саквояж, какими часто пользовались врачи. – Здесь средства, которые вам будут необходимы для выполнения задания. Наши ученые, которые готовили этот набор, постарались учесть все. Взрывчатые вещества, револьверы новейшей конструкции, кинжалы, яды... В частности, там имеется недавно откры-

тое новое отравляющее вещество. Мне описали его действие. Мне кажется, это как раз то, что нам нужно. Теперь у вас есть все. Вперед!

Глава 1

Император Николай Павлович, которого некоторые иностранные политики именовали «Железным императором», чувствовал себя нездоровым. Лихорадило, болела грудь, мучил кашель. Началось это все еще на Крещение, когда Государь простудился, начал чихать и был вынужден пользоваться носовым платком (чего терпеть не мог). Не любил самодержец также проявлений слабости – ни в других, ни тем более в себе. А потому только отмахнулся от своего лейб-медика Мартина Мандта, который советовал Государю отлежаться хоть пару дней.

Вместо этого Николай поехал на свадьбу дочери графа Клейнмихеля. При выезде камергер Гримм осмелился заметить Государю, что он слишком легко оделся, а между тем на дворе стоит сильный мороз. «Теперь уже поздно переодеваться», – отвечал самодержец и поехал в одной легкой шинели. Со свадьбы он приехал совсем больным и согласился на уговоры врачей начать лечение: горчичники, пиявки и примочки.

В следующие дни Николай чувствовал себя ничуть не лучше. Однако он полагался на свое здоровье, которое его до сих пор не подводило. Конечно, он был уже не молод, ему шел 59-й год, но все еще крепок и полон сил.

Поэтому 9 февраля, почувствовав себя немного лучше, он отправился в Михайловский манеж, на огромный неотапливаемый плац. Врачи опять всполошились, забежали, пытаясь его отговорить, но Государь только отмахнулся от них, как от назойливых мух. Врачи не могли понять государственной необходимости этой поездки. Ведь Николаю предстояло проводить на театр военных действий в Крыму лейб-гвардии Преображенский, Измайловский и Егерский полки. Дела в Крыму шли плохо, соединенная армия англичан, французов и турок одолевала доблестные русские войска; граф Паскевич терпел одно поражение за другим. Тем более важно было императору лично напутствовать воинов, отправлявшихся на битву. Он думал и сам направиться в Крым, чтобы своим присутствием воодушевить армию. И пусть в связи с проклятой хворью эту поездку приходилось отложить, но проводить солдат в путь он был обязан!

Из Манежа Николай вернулся уже совсем больным. Скрыть недуг было невозможно. Несмотря на все старания медиков, Государю становилось все хуже и хуже. Он уже не вставал с постели и даже не ходил на церковную службу. У Николая появилось стеснение в груди, приступы лихорадочного жара сменялись ознобом. 12 февраля Государь повелел наследнику цесаревичу Александру прибыть в Зимний дворец. Речь шла о передаче ему всех государственных дел. Министр государственных имуществ граф Киселев, выслушав это повеление Государя, не мог сдержать слез. Ясно было, что император предчувствовал свой близкий конец...

Правильно говорит пословица: «Пришла беда – отворяй ворота». Как занедужил Государь, так у всех в Зимнем все из рук стало валиться. Хотя, конечно, грех сравнивать великую беду – болезнь помазанника Божия – и такую невеликую неприятность, как гибель чаши лучшего саксонского фарфора, а все одно к одному – расстройство. Великая княжна Ольга, находясь в волнении по случаю болезни своего царственного родителя, изволила уронить чашу с теплой водой, которую несла в комнату отца. Драгоценный расписной фарфор превратился в кучку осколков, которые разлетелись по всему нижнему коридору дворца.

Правда, этой беде было легко пособить. Там, в коридоре, случился царский камердинер Гримм; он тотчас вызвался принести воды вместо великой княжны. А старший лакей Егор Трифионов отправился за веником и совком, чтобы подмести осколки. Вот если бы можно было так же легко справиться с недугом, одолевшим императора! Пока же это не удавалось ни царскому лейб-медику, ученому немцу Мартину Мандту, ни приглашенным им светилам меди-

цины, ни самому Государю, который боролся с хворью, проявляя всю силу своего крепкого характера.

Об этом и размышлял старший лакей Егор Трифонов, пока спускался в подвал, где в особой комнатке хранились метлы, веники и прочие нужные в хозяйстве предметы. Конечно, лакею, даже старшему, размышлять не положено. Для того есть другие лица, приставленные к государственному управлению, а также к военному или научному делу. Но такая уж была у Егора Кузьмича привычка – обдумывать происходящие события; ничего не мог с ней поделать.

Вот и теперь – так задумался над болезнью Государя, что даже мимо нужной двери прошел. Опомнился, только когда дошел до самого конца коридора. Осознав просчет, покачал головой и повернул назад. Но едва лишь сделал пару шагов, как услышал голоса.

Голосов было три: два мужских, а один вроде женский. Доносились они из так называемой Малой гардеробной – комнаты, где хранилась верхняя одежда царственных супругов, приходящаяся не в сезон (например, в данное время – летняя), а также давно не востребованная. В этом факте не было бы ничего удивительного (мало ли, может, лакеям от дворцового какое приказание вышло, проверить гардероб, разыскать накидку или палантин), если бы не два обстоятельства.

Первое – замок. На дверях гардеробной Егор Трифонов ясно видел красивый замочек, замыкающий прочно задвинутый засов. То есть дверь была заперта. Как же те, говорящие, вошли?

А второе обстоятельство было – содержание разговора. Егор Кузьмич служил давно, с 12 лет, побывал с Государями за границей и здесь, в Петербурге, присутствовал на приемах иностранных послов и всяких гостей, наслушался чужую речь и даже научился ее немного различать. Понимал, когда по-французски изъясняются, а когда по-немецки или, допустим, по-итальянски. Но тут говорили вроде бы на родном русском языке – но слова все как один были непонятные! Лишь изредка мелькало что-то знакомое: «ты», например, или «скажи», или «где». А все остальное время звучало что-то вовсе несообразное, чего Егор Трифонов уразуметь никак не мог. Например, несколько раз повторилось неизвестное слово «классно», произнесенное с восхищением. Еще Егор Кузьмич различил выражение «ну, ты даешь!» и совершенно неизвестное слово «мобильник».

Старший лакей почувствовал, как волосы у него на голове (немного их осталось, но уж какие есть) зашевелились. Не иначе как бесы в комнате шалят! Те самые бесы, что задумали известить Государя (о чем между слуг уже шел разговор). А может, мазурики? Но нет, невозможно! Никакой тать, будь он самый лихой, не осмелится пробраться в покои помазанника Божия! Если только зарубежные? Но почему тогда слова родные слышны?

В любом случае следовало немедленно известить о случившемся управляющего дворцовым хозяйством Семена Никитича Худякова. А заодно и начальника дворцового караула его благородие капитана Касаткина. И Егор Трифонов поспешил наверх разыскивать ответственных лиц и сообщать им о своем открытии.

Он так спешил, что едва не забыл совок с веником. Однако вовремя опомнился, покачал головой, подхватил их и направился в коридор, где его ждали остатки разбитой чаши. Бесы бесами (или, допустим, мазурики), а служебный долг должен быть у каждого на первом плане. Так Государь всегда учил. А его заветы следует исполнять. Тем более сейчас, когда самодержец занемог.

Поэтому Егор Трифонов сначала подмел пол, убрал остатки чаши в особую корзину для мусора и только потом отправился разыскивать Семена Никитича и капитана Касаткина.

Управляющий куда-то подевался, так что никто не мог сказать, где его искать. Старший лакей Трифонов расспрашивал всех, кого встречал, но никто не мог ответить ничего определенного. Так, в расспросах, он дошел до самой комнаты Государя. Возникло предположение:

а вдруг Его Императорское Величество решили вызвать управляющего, чтобы расспросить его о ведении дворцового хозяйства? Известно было, что царь вникает во все вопросы, не пренебрегая мелочами.

Ни стучаться в покои императора, ни входить туда старший лакей, конечно, не мог. Значит, следовало подождать – может, Семен Никитич выйдет, если он там, а может, кто из лакеев или денщиков, и тогда можно будет спросить.

Так и вышло: дверь императорской комнаты отворилась, и оттуда вышел младший лакей Кругликов с подносом в руках. На подносе стояла недопитая чашка с чаем, рюмка с каким-то лекарством, блюдо с сухими бисквитами – единственным лакомством, которое признавал державший себя в строгости император.

– Скажи, Семен Никитич случайно не у Его Величества находится? – спросил Трифонов. – Если там, то вызови его – у меня срочное дело.

Однако младший лакей Кругликов, вообще-то парень сообразительный и толковый, за что и был взят во дворец, с ответом почему-то не спешил. Словно бы и не слышал обращенного к нему вопроса и самого старшего лакея не видел. Стоял с довольным видом, словно конфету какую с царского стола умял, и бормотал себе под нос что-то по-французски. Егор Кузьмич, немного понимавший чужеземную речь, разобрал: «Fait! Oui, en fait...» («Сделано! Да, сделано!») Дело было понятное: очевидно, Его Величество соизволил отдать лакею какое-то приказание на чужом языке; и вот Кругликов, немного понимавший язык, старался в точности запомнить сказанное.

– Да хватит тебе бормотать! – остановил его Трифонов. – Вижу уже, что запомнил. Скажи, Худяков Семен Никитич не там находится? Не у Государя?

Тут младший лакей наконец опомнился, бормотать перестал, Егору Кузьмичу почтительно поклонился и ответил, что нет, никого нет в комнате, император пребывает один и ждет наследника.

Егор Кузьмич сразу потерял к нему интерес и отправился разыскивать начальника караула. Капитана Касаткина старший лакей обнаружил быстро: тот стоял возле парадного входа. Но едва Егор Трифонов вознамерился подойти к его благородию, как дверь дворца распахнулась, дохнуло холодом (мороз на дворе стоял знатный), и в вестибюль вошел наследник цесаревича, Его Высочество Александр Николаевич. Лицо его, бледное от мороза, а также от постигшего семью горя, было твердым, словно высеченным из льда. Несмотря на мороз, он был не в шубе, а в одной легкой шинели. Император поощрял пренебрежение к удобствам и стойкость не только в подчиненных, но прежде всего в собственном сыне.

– Где папа, у себя? – спросил наследник у начальника караула.

– Так точно, Ваше Высочество, – отвечал капитан. – Мы уж просили Его Величество перейти на второй этаж, где потеплее, но вы же знаете характер Его Величества...

– Знаю, знаю, – отвечал Александр все так же резко. – Я сам, не надо, не провожай.

Он скинул шинель на руки денщика и быстрым шагом пошел направо, в сторону спальни Его Величества. Капитан Касаткин несколько секунд потоптался в нерешительности, однако пренебречь запретом наследника не решился и остался на месте.

Вот тут-то Егор Трифонов и осмелился приблизиться к начальнику караула и сообщить о своем странном наблюдении, сделанном в подвальной этажке.

Его благородие не сразу вник в суть известия, а когда вник, отнесся недоверчиво.

– Какие еще голоса? Какие бесы? – произнес он в раздражении. – Это все суеверия ваши, отсутствие просвещения! Разве только мазурики... Ладно, идем, проверим.

– Так ключ надобен, ваше благородие! – пояснил Трифонов. – А он у господина Худякова. А тот неизвестно где, мне никто не может сказать.

– Семен Никитич отдает необходимые распоряжения на случай... На самый крайний случай, – пояснил его благородие. – Идем, я знаю, где его отыскать.

Они нашли управляющего, Егор Трифонов объяснил суть дела. Семен Никитич отнесся к сообщению более внимательно, нежели капитан Касаткин.

– Чужие люди, говоришь? – встревоженно спросил он у старшего лакея. – Мазурики? Вот беда! Ведь там меха царские, ценные! Одни соболя шубы сколько стоят! Пойдем, посмотрим, кто дерзнул в дворцовые кладовые проникнуть...

Втроем отправились в подвал. Взяли сразу два подсвечника, по три свечи в каждом. Крадучись, чтобы не спугнуть незваных гостей, подошли к двери Малой кладовой. Прислушались. За дверью было тихо. Никакие голоса не были слышны.

– Ну-ка, открывай! – скомандовал капитан.

Управляющий отомкнул замок, отодвинул засов, капитан Касаткин распахнул дверь и первым вошел в кладовую.

Она была пуста. Никаких гостей, ни званных, ни незванных, не было.

– Что ж ты воду мутишь?! – грозно спросил его благородие, повернувшись к лакею Трифонову. – В такой день от дела нас отрываете?!

– Погодите, ваше благородие, – остановил его управляющий. – Что-то здесь не так. Вот, видите – дверца у шкафа раскрытая стоит? А я отлично помню, как вчера сам ее закрывал.

– А вон перчаточка валяется, – обратил внимание начальствующих особ Егор Трифонов.

– Надо бы в шкафах поглядеть, проверить, – озабоченно произнес управляющий. – Все ли на месте?

– И ты туда же, Семен Никитич! – в сердцах воскликнул капитан. – Ну, подумай: если тут был кто-то чужой, то как он сюда проник? И куда отсюда девался? Дверь-то замкнута была! Ты ведь сам ее открывал! Хотя...

Тут он заметил висевший на стене кладовой канделябр с двумя свечами. Протянул руку – потрогать фитили – и сразу отдернул.

– А фитиль-то горячий... – задумчиво произнес начальник дворцового караула. – Выходит, кто-то здесь и правда был... Причем совсем недавно. Но куда же он делся? Не в воздухе же растаял!

– Растаял он или не растаял, оно неведомо, – сказал управляющий. – В любом случае тут непорядок, и проверить надо. Но не сейчас. Сейчас заботы поважнее есть. Идемте, ваше благородие, может, там какие распоряжения будут.

Старший лакей Трифонов покинул Малую кладовую с облегчением. Он пришел к выводу, что, пожалуй, удивительные голоса ему почудились, и он зря побеспокоил важных людей. При этом еще легко отделался.

Егор Кузьмич пришел бы к совершенно другому выводу, если бы имел возможность услышать разговор, который в то же самое время вел Государь со своим царственным сыном. Разговор этот проходил в небольшой комнате, расположенной на первом этаже и служившей царю спальней, а в последнее время, в связи с болезнью, также и кабинетом. Император лежал на своей кровати – узкой походной койке, накрытый одним только тонким одеялом. Александр сидел рядом с ним.

– С завтрашнего дня возьмешь на себя принятие распоряжений по всем важнейшим вопросам, – сказал Государь. – Будешь постепенно входить в курс дела. Потом, когда случится неизбежное, примешь присягу государственных лиц – в общем, начнешь царствовать.

– Напрасно вы хотите все возложить на меня, папа, – произнес Александр. – Я вижу, вы все так же ясно мыслите, глубоко проникаете в государственные дела. И вообще, течение болезни может еще измениться. Будем уповать на милость Божию.

– Только на нее одну я и полагаюсь, – сказал Николай, взглянув на висевший в углу образ Спасителя. – Лекари мне уже не могут помочь. А насчет ясности мышления ты ошибаешься. Болезнь коснулась уже не только тела, она мне и рассудок помутила. Видения бредовые у меня начались.

– Не могу в это поверить, – покачал головой наследник. – Вы мне сами говорили, что у вас даже снов не бывает. Какие еще видения?

– Были, были видения, – упрямо повторил Николай. – Вот прямо перед твоим приходом случилось. Открываю глаза – и вдруг вижу вон там, возле стола, три фигуры. Две мужских, а одна вроде женская. Я спервоначалу, после забытья, решил было, что это ты с Ольгой и графом Клейнмихелем. Но потом открыл глаза пошире и вижу, что нет, это вовсе не знакомые люди. Причем мужчины в моей одежде, а женщина в старом платье императрицы. И вижу, они не просто стоят возле стола, а копаются в моих бумагах, представляешь? А у меня там приказы по армии, указания послам в Австро-Венгерской империи и Пруссии, другие важные документы. Тут я, видимо, издал какой-то возглас, потому что они обернулись, один из мужчин (он был одет в мой кавалергардский мундир) крикнул какое-то дикое слово – и вся троица куда-то исчезла. Словно в воздухе растаяли!

– Да, действительно... – пробормотал Александр, – настоящий бред... А что за слово выговорил этот призрак в мундире? Хотя вы, наверное, не запомнили...

– Представь себе, запомнил! – ответил отец. – Он выговорил не одно, а два слова. Сказано было так: «Хватит! Ходу, ходу!» После чего они, как я уже говорил, исчезли.

На это наследник ничего не сказал, только покачал головой, и Николай понял этот жест.

– Вот видишь, – грустно произнес он. – Если начался бред, то никакие государственные дела я вершить уже не могу. Дальше уже ты поведешь этот корабль. Передаю тебе команду, но не в порядке. На театре военных действий положение плохое. И хуже всего дело с союзниками. Австрия в любой момент может перейти на сторону врагов. Одна Пруссия пока остается надежной, но сил у нее маловато. Укрепляй с ними союз. На Францию не надейся – изменит. И потом, в этой стране что ни год, то революция. Положение помещичьих крестьян до времени не трогай. Их крепостное состояние – опора трона. А пуще всего опасайся...

Однако Государь так и не закончил фразу, и наследник не узнал, чего именно он должен опасаться. Голос императора пресекся, глаза закрылись, его охватил озноб, от которого он съехал под одеялом. Александр с жалостью посмотрел на отца – такого всегда крепкого, такого надежного, – после чего встал и тихо вышел. Шел четвертый час пополудни...

Глава 2

– Простите, товарищ генерал, никак не могу поверить, что вы это серьезно, – сказал человек, сидевший за столом прямо напротив хозяина кабинета. – Путешествие в прошлое? Расследование, проводимое в прошлом?! Но это же... Литература для подростков! Кино!

– Понимаю ваше удивление, товарищ майор, – отвечал хозяин кабинета. – Однако должен повторить то, что уже сказал: вам поручается отправиться в первую половину XIX века, чтобы расследовать совершенное там преступление. Чтобы снять все вопросы, я сейчас предоставлю слово научному руководителю проекта «Хронос» Григорию Соломоновичу Нойману.

И он повернулся к сидевшему слева от него улыбчивому человеку невысокого роста с обширными залысинами. Григорию Соломоновичу можно было дать и 60, и все 70. Впрочем, глаза его смотрели бодро, молодо, и говорил он быстро, энергично.

– Прекрасно вас понимаю, молодой человек, – сказал он, обращаясь к майору. – Если бы мне самому такое года два назад сказали, я бы такого шутника просто на смех поднял. Действительно, как вы выразились, кино. Но с тех пор прошло два года. И не просто два года, а два года серьезнейших исследований. Мы совершили прорыв, настоящий прорыв! Сейчас я вам объясню, в чем дело. Вам и вашим товарищам.

Майор Кирилл Углов искоса взглянул на людей, сидевших рядом с ним, по эту сторону стола. Справа от него сидел черноволосый парень в сером джемпере. Впрочем, в этом кабинете все были в гражданском, включая хозяина – генерала ФСБ. Парень был молод, на вид не старше 30 лет, улыбчив. «Несерьезный какой-то, – подумал майор. – И как с таким работать?»

Слева сидела женщина с короткой стрижкой. Она, в отличие от парня, не улыбалась и выглядела весьма серьезно.

– Вы, конечно, читали фантастическую литературу о путешествиях во времени, – начал свою лекцию научный руководитель. – Основная проблема, которая при этом возникает, – невозможность переместить в другой временной пласт физический объект, который там еще не существовал. Или – если речь идет о будущем – существовал когда-то, но давно закончил свой земной путь. И обойти эту проблему никак не получается! Но мы пошли по другому пути. А что, если перемещать в прошлое не физические тела, а лишь запись генетических кодов людей?

– Но, насколько я знаю, пока научились записывать только видовой код, – вмешался парень, сидевший справа от майора Углова. – То есть можно записать только «человека разумного» вообще. А индивидуальность кодированию не поддается.

– Не поддавалась, правильнее сказать! – воскликнул Григорий Соломонович, который вовсе не обиделся на вопрос, прервавший его выступление. – В том и состоит наш прорыв, что мы научились кодировать конкретную личность со всеми ее навыками, предпочтениями и воспоминаниями. Кодировать – и затем передавать в нужную точку времени, где она вновь обретет физическое тело. Таким образом, в прошлое, Кирилл Андреевич, отправитесь не вы сами, а только ваша матрица. А тело, погруженное в анабиоз, останется здесь. Вы, естественно, не почувствуете разницы. Для вас все будет обстоять так, будто вы сами внезапно перенеслись в другую эпоху. И в этой другой эпохе вы будете жить, действовать и выполнять служебное задание.

– А как же назад? – спросила женщина. Голос у нее был мелодичный, звонкий, совсем не похожий на ее хмуро-деловой облик.

– Резонный вопрос, – согласился научный руководитель проекта. – Никакой аппаратуры, позволяющей вам вернуться в наше время, в прошлом, естественно, не будет. Она останется здесь. И в нужный, заранее оговоренный момент она будет включена и пошлет в прошлое нечто вроде луча. Вы трое в этот заранее оговоренный момент должны будете находиться именно

в том месте, где произошло ваше «десантирование». Тогда вы попадете в этот луч, вернетесь и доложите о выполнении задания.

– Все-таки я не понимаю, – настаивал улыбчивый парень, сидевший справа от Углова. – Что за луч? Каким образом вы сможете направить его в прошлое? Хотелось бы все-таки знать. А то так и останемся... погруженными в анабиоз.

Григорий Соломонович переглянулся с генералом, тот кивнул, и научный руководитель проекта снова заговорил:

– Да, тут есть момент... неопределенности, что ли. Мы вначале не хотели говорить, но раз один из участников настаивает... В конце концов, вы имеете право знать. Луч – это, конечно, не совсем точное выражение. Наша аппаратура сложнее. Она состоит из двух частей. Первую, главную, можно уподобить... ну, скажем, часам, запущенным в обратную сторону. Установка моделирует пространство-время в определенном объеме – очень небольшом, заметьте! А затем изолирует этот объем от окружающего и запускает в нем все процессы в обратном направлении.

– То есть вы создали модель Вселенной? – воскликнул парень. – И запустили в ней время назад? Круто!

– Вот именно – модель Вселенной! – кивнул Григорий Соломонович. – Вы ухватили самую суть. Так вот, когда отсчет времени в этом замкнутом объеме дойдет до нужной отметки, включается вторая часть установки. Она переносит заранее записанные коды «путешественников» в нужное время и запускает механизм дублирования. Записи обретают тела, включается память, и вы можете идти, выполнять ваше задание.

– Это все классно, – сказал настырный парень. – Но вы сказали про «момент неопределенности». В чем тут неопределенность?

– Ну, понимаете... Аппаратура до известной степени отработана, – замялся Григорий Соломонович. – На мышах, собаках... Но вы сами понимаете, обратной связи мы не могли добиться. Как во всяком новом деле, здесь могут быть сбои... Ваши... э... дубликаты могут не вернуться... Но с вами самими – с теми, что будут погружены в анабиоз, – в любом случае ничего не случится! Вы просто проснетесь!

Видно было, что сосед Углова хотел еще что-то спросить, но хозяин кабинета жестом остановил его.

– Мне кажется, объяснения получены, – сказал хозяин кабинета. – Вопросы у майора и его коллег, конечно, будут, но они смогут задать их позже. Теперь они должны узнать самое главное – содержание своего задания. Об этом расскажет руководитель всего проекта полковник Николай Иванович Волков. Слушайте его внимательно: на ближайшие месяцы Николай Иванович станет вашим непосредственным начальником, а вы – его подчиненными.

И генерал повернулся к своему соседу справа. Сосед был невысок, худощав, лицо у него было невыразительное и, что называется, без особых примет. Кирилл Углов, как только взглянул на него, сразу определил в нем сотрудника спецслужб.

– Проект «Хронос» придумали не мы с Юрием Геннадьевичем и Григорием Соломоновичем, – сказал полковник. – Идея идет свыше, с самого верха.

И он коротко кивнул куда-то в потолок. Однако уточнять адрес не стал.

– Высшее руководство страны хочет понять, в чем причины бедствий, преследующих Россию, – продолжал полковник. – Где, на каком историческом отрезке наше развитие пошло в неправильном направлении? На этот вопрос должна была ответить специально созданная группа лучших философов, историков, культурологов, ученых других специальностей. Они пришли к выводу, что сбой произошел где-то в первой половине XIX века. Причем этот сбой связан с преступлением, совершенным в отношении руководителя государства. Таким образом, встала следующая задача: выяснить, что это за преступление, найти и наказать преступника.

– Что значит «наказать»? – спросил парень, сидевший справа от Углова. – Мы что же – и за суд, и за исполнителей должны работать?

– Пока что вы, капитан, должны соблюдать дисциплину и не перебивать начальника, – строго одернул его Волков. – Вопросы будете задавать потом, когда я вам это разрешу. Итак, наши гуманитарии пришли к выводу, что «развилка», на которой наша страна пошла по ошибочному пути, находится между 1800 и 1861 годами – потому что, сами понимаете, новая история России начинается именно с этой даты. Кто мог стать жертвой преступления в это время? Никак не император Александр – он или умер своей смертью, или начал новую жизнь под видом старца Федора Кузьмича. Во время известного антигосударственного заговора, так называемого восстания декабристов, никто из царствующих особ не погиб. Таким образом, наши ученые естественным образом пришли к выводу, что речь идет об убийстве Николая I.

– Разрешите вопрос? – подал голос Углов.

– Хорошо. Вам, майор, разрешаю, – кивнул Волков.

– Я, конечно, не историк, но, как я помню еще с университета, Николай вроде сам умер. Простуда, грипп... Что-то в этом роде.

– А еще существует теория о том, что он яд принял, – добавила женщина с короткой стрижкой. – Отравился. Не вынес поражения в Крымской войне.

– Я в курсе, – ответил Волков. – А уж наши эксперты – тем более. Тем не менее они высказали предположение, что современники – а вслед за ними и историки – ошиблись. И что на самом деле мы имеем дело с хорошо организованным убийством. И вот тут начинается ваша работа.

Полковник Волков сделал паузу, обозначая особую важность момента, затем продолжил:

– Ваша группа отправится в прошлое. Если конкретно, в точку, обозначенную 12 февраля 1855 года. Это тот день, когда император Николай почувствовал близость смерти и передал управление государством своему сыну Александру. Руководителем группы назначается следователь по особо важным делам майор Углов. Ему будут помогать кандидат исторических наук, консультант Следственного комитета Екатерина Дмитриевна Половцева...

Тут полковник вновь сделал паузу, повернувшись к женщине с короткой стрижкой. Углов и его сосед тоже повернулись и взглянули на консультанта СК новыми глазами.

– ...И кандидат технических наук, сотрудник СК капитан Игорь Сергеевич Дружинин, – продолжил Волков. – Ваша задача состоит в том, чтобы выяснить все обстоятельства смерти императора Николая. И если есть хоть малейший намек на то, что имело место убийство – хоть малейший намек, вы понимаете? – вы должны тщательным образом проверить этот вариант. Если действительно произошло преступление, вы должны изобличить преступника, собрав неопровержимые доказательства его вины, и передать его судебным органам. Судебным, полицейским – в общем, тем, которые действовали в то время. Но основная ваша задача – другая, более ответственная.

В этом месте полковник замолчал на несколько секунд – видимо, чтобы подчеркнуть важность того, что собирался сказать.

– Ваша главная задача – не найти исполнителя, а установить заказчика, – вновь заговорил Волков. – Выяснить, кто задумал убийство российского императора. Кто и зачем! Какую долгосрочную цель преследовал этот человек и в целом страна, которую он представлял? Только когда мы это узнаем, руководство сможет правильно оценить сегодняшнюю расстановку сил на мировой арене. И только тогда вы можете с чувством исполненного долга вернуться и доложить об исполнении задания.

Руководитель проекта «Хронос» замолчал и внимательно посмотрел на подчиненных: все ли они поняли? А те, в свою очередь, недоуменно уставились на него. Первым заговорил капитан Дружинин – как видно, он не привык уважать служебную субординацию.

– А как же мы будем сотрудничать с этими... жандармами, околоточными... ну, кто там еще был? С какой стати они будут нас слушаться? Ведь для них приказ Бастрыкина ничего не значит! Да что там Бастрыкин! Для них и указ президента – не указ!

Полковник Волков взглянул на любознательного капитана с мрачным выражением. «Сейчас он ему влепит по первое число!» – подумал Углов. И ошибся. Видимо, руководитель проекта счел вопрос важным и решил закрыть глаза на нарушение порядка.

– Верно, – согласился он. – Ни шеф жандармов граф... эээ...

Он замялся.

– Орлов, – подсказала консультант Половцева. – Граф, а впоследствии князь Алексей Федорович Орлов, генерал-адъютант и шеф корпуса жандармов до 1856 года. А позже – глава Кабинета министров.

– Вот именно, – кивнул Волков. – Ни этот самый граф и ни один из его подчиненных вас слушаться не будут. Мало того – как только вы перед ними появитесь, они вас немедленно арестуют!

– А это еще почему? – спросил Углов.

– А как иначе они должны поступить с тремя лицами, явившимися ниоткуда, без документов, да еще и в голом виде?!

– Что?! – возмутилась кандидат исторических наук. – Как это – в голом виде? Почему?

– На этот вопрос пусть лучше Григорий Соломонович ответит, – сказал Волков. – Это его епархия.

– Тут ничего страшного нет, голубушка, – сообщил доброжелательный Григорий Соломонович. – Николай Иванович немного преувеличил. Не в голом, конечно. Хотя вначале получалось, что именно в голом.

– Что-то я ничего не понимаю, – признался Углов. – Объясните, пожалуйста, понятней.

– Сию минуту, – сказал научный руководитель проекта. – Помните, я вам говорил, что в прошлое отправитесь не вы сами, а ваш генетический код? Соответственно, код может быть только ваш, никаких добавочных кодов одежды – всяких там брюк, юбок и рубашек – мы отправить не можем. Иначе получится, как в одном фильме, где к изобретателю телепортации в камеру залетела муха. Таким образом, получалось, что путешественники во времени придут на место в костюмах Адама и Евы. Что, конечно, не очень удобно. В конце концов, нам удалось частично решить эту проблему. Удалось создать одежду – вернее, пленку, – которая дублирует генетический код путешественника, как бы сопровождает его. То есть на вас будет нечто вроде тонкой оболочки, похожей на полиэтиленовую. И это все.

– Ничего себе! – воскликнул Углов. – И как же мы в этой пленке будем работать? Проводить следственные действия?

– В пленке вы, конечно, ничего проводить не будете, – успокоил его научный руководитель. – Будете и одеты, и обуты. Мы все продумали.

– А, то есть вы забросите в прошлое группу обеспечения? – догадался капитан Дружинин.

– Никакой группы обеспечения! Вы сами себя обеспечите. Конечно, с помощью царствующего дома.

И, видя недоумение на лицах будущих «следователей во времени», Григорий Соломонович пояснил:

– Мы решили, что будет удобней, если процедура вашей «заброски» произойдет в одном из помещений Зимнего дворца, а ныне Государственного Эрмитажа. Ваши, Екатерина Дмитриевна, коллеги подсказали, что в середине XIX века в этой комнате хранилась одежда, которой в данное время не пользовалась семья императора. Хранилище весьма обширное, особенно хранилище женской одежды, предназначенной для императрицы Александры Федоровны. Сам-то Николай, как известно, был в одежде неприхотлив. Там, в кладовой, вы оденетесь и обуетесь. А затем проследуете в комнату самого Николая. Он в эти дни, как свидетельствуют хро-

ники, будет находиться в забытии, так что вас он не увидит. Там, в его комнате, пользуясь императорской печатью и гербовой бумагой с царским вензелем, вы изготовите себе самые лучшие рекомендательные письма. Да и деньгами, наконец, разживетесь – Николай их хранил, судя по воспоминаниям современников, просто в ящике стола.

– Как же мы изготовим эти письма? – спросил Углов. – Что, самого Николая разбудим и заставим писать? Так он, скорее всего, не захочет...

– Зачем же беспокоить тяжело больного человека? Для этих целей у вас имеется специалист по почеркам капитан Дружинин, – ответил ему полковник Волков. – Мне говорили, что капитан не только определяет любой почерк, но и с легкостью его копирует. Верно, Дружинин?

– Да, это я могу, – кивнул капитан. – У меня в наборе для этого и ручки разные есть, и карандаши...

– А вот этого не будет, – покачал головой Григорий Соломонович. – Забыли, что я говорил? Никаких вещей! С собой вам взять ничего не удастся: ни ручек, ни отмычек, ни оружия. Все добудете на месте.

После этой фразы наступило молчание. Члены «группы заброски» сидели, осмысливая услышанное. А затем неугомонный капитан Дружинин задал новый вопрос:

– Простите, я не понимаю... Если вы думаете, что императора убили, то не лучше ли предотвратить убийство, а не расследовать его? Почему не заслать группу на несколько дней раньше? Когда убийца еще не начал действовать. Выявить его и... нейтрализовать.

– Я так и знал, что кто-нибудь выдвинет такое предложение, – усмехнулся Григорий Соломонович. – Ответ на него очевиден. Я даже не буду сам отвечать: по лицу вашей коллеги, уважаемой Екатерины Дмитриевны, я вижу, что она готова вам ответить.

– Представьте, капитан, что вы остановите убийцу, – сказала Половцева, повернувшись к Игорю Дружинину. – Таким образом, император Николай останется жив. И что случится вслед за этим?

И, поскольку кандидат технических наук не спешил ответить на этот вопрос, Половцева ответила сама:

– Случится то, что его сын, император Александр, не вступит на престол в 1855 году. И когда вступит, неизвестно, и вступит ли вообще. А ведь это император, прозванный Освободителем! Осуществивший в России коренные реформы! История страны пойдет по другому пути. Это вмешательство в ход истории, капитан...

– А этого мы ни в коем случае не должны допустить, – закончил Григорий Соломонович. Наступило тяжелое молчание. Наконец Углов произнес:

– Ну, теперь, кажется, все понятно. Нам можно идти? А то некоторые дела закончить надо... Когда, вы говорите, отправляться, 12 февраля? Сегодня первое, значит, у нас еще две недели осталось...

В ответ на эти его слова трое руководителей проекта переглянулись, потом дружно усмехнулись, и Григорий Соломонович уже собрался ответить майору, но его опередила Екатерина Половцева.

– Погодите! – воскликнула она. – Как это через две недели?

И, повернувшись сначала к Углову, а затем к Дружинину, она спросила:

– Et mes compagnons qui savent parler le francais?

Теперь настал черед переглядываться для майора и капитана. Было понятно, что кандидат исторических наук что-то спросила – но что именно? Видя их растерянность, она пояснила:

– Я поинтересовалась, умеете ли вы говорить по-французски. И, судя по вашей реакции, ответ отрицательный. Как же вы собираетесь работать в середине XIX века? С вашим языковым багажом вы только с крепостными мужиками сможете разговаривать. Да и то если будете говорить «да» и «нет». Ведь и русский язык в то время был совершенно другой. А в высшем

свете основным языком был французский. Без него – никуда. Им надо изучить его, причем в совершенстве. На это двух недель не хватит!

– Вы совершенно правы, дорогая Екатерина Дмитриевна! – воскликнул Нойман. – На освоение языка – причем в том варианте, который был принят в интересующее нас время, – уйдет никак не менее двух месяцев. А ведь вам понадобится не только французский, но еще и польский!

– А это зачем? – спросил Углов.

– А затем, уважаемый Кирилл Андреевич, что смертельными врагами императора Николая являлись участники польского освободительного движения – это вам и Екатерина Дмитриевна подтвердит. И вполне возможно, что именно они погубили Николая. Эту версию вам тоже надо будет проверить, а для этого желательно знать язык. И это еще не все! А умение фехтовать? Танцевать? Ездить верхом? А знание служебной субординации того времени? Манер? Тут и вам есть чему поучиться, а уж вашим товарищам тем более. Вас всех ждет полугодовой курс подготовки. Только этим будете заниматься! И вот тогда посмотрим, готовы вы или нет.

– Некоторые привлеченные нами эксперты настаивали на продлении такого курса до года, – добавил полковник Волков. – Но эти предложения пришлось отвергнуть. Время, понимаете, не ждет. Руководство страны ждет результатов вашего расследования. Так что придется вам уложиться в шесть месяцев.

– А как же 12 февраля? – спросил Углов.

– Это вы с непривычки так спрашиваете, – сказал Нойман. – 12 февраля – это точка, в которую мы должны вас отправить. А уж когда состоится отправка – совершенно неважно. Скорее всего, она произойдет летом. Возможно, 1 августа...

Глава 3

С той минуты, как Государь передал все дела наследнику, состояние его не улучшалось. Правда, придворные медики – и Каррель, и Мандт, и Ерохин – иногда делали обнадеживающие заявления. Например, 14-го числа лейб-медик Мандт, пользовавшийся полным доверием Государя, заявил, что кашель у его пациента ослабел, и сон был крепкий, налицо признаки выздоровления. Однако уже на следующий день, 15-го, у императора появились хрипы в правом легком.

В тот день в одном из залов Зимнего встретились три лица, наиболее близких императору. Это были военный министр князь Василий Андреевич Долгоруков, граф Алексей Федорович Орлов и министр государственных имуществ граф Павел Дмитриевич Киселев. Встреча эта не была специально назначена, произошла, можно сказать, случайно: министр государственных имуществ как раз вышел от Государя, у постели которого он находился чаще других, а Долгоруков и Орлов только что приехали во дворец. Однако, встретившись, они естественным образом захотели обменяться мнениями о состоянии больного и о положении империи.

– Ну, что Государь? – спросил Орлов у министра государственных имуществ. – Мне передавали, что ночью будто бы стало ему лучше?

– Мы все на это надеялись, – кивнул Киселев. – Но эти сведения, полученные от медика Карреля, оказались ложными. Достаточно сказать, что Его Величество уже третий день не принимает докладов. Вы сами знаете пунктуальность Государя в этом вопросе. Чтобы он пропустил чей-то доклад – дело немыслимое. И вот, извольте... К тому же у него появился жар.

– А что лекари? Делают хоть что-нибудь? – спросил военный министр, отличавшийся суровостью.

– Все то же, – отвечал Киселев. – Примочки, горчичники, пиявки... Больше ничего медицина рекомендовать не может.

– А может быть, следует употребить народные средства? – предложил Долгоруков. – Мой денщик, бывало, лечил меня от всех хворей горячей русской баней с веником, да медом, да чаем. Все как рукой снимало!

– Ах, оставьте, князь! – поморщился начальник 3-го отделения. – Вы же знаете, Его Величество не признает всех этих методов «а-ля рюс». Он во всем следует науке. Да и я, признаться, не понимаю всех этих *les resettes de ma grand-mere* (рецептов моей бабушки). Будем надеяться на лучшее. Ведь у Государя и ранее случались недомогания. Однако всякий раз его могучий организм с ними справлялся.

– Вы правы, князь, – кивнул Киселев. – Но прежде никогда недуг не одолевал его с такой силой. Я только что беседовал с Ее Величеством императрицей. Она не может найти причин для такой упорной болезни.

– Возможно, на Государя удручающе действовали неудачи военной кампании... – заметил Орлов, бросив искоса взгляд на военного министра.

Тот немедленно почувал выпад в свой адрес и горячо возразил:

– Это все одни лишь слухи! Я на прошлой неделе беседовал с Государем, и он был, как всегда, бодр, энергичен... Отдал ряд распоряжений...

– Но разве он не был разочарован ходом Крымской кампании? – спросил шеф жандармов.

– Ну, надо признать, некоторое разочарование имелось... – нехотя выговорил Долгоруков.

Граф Киселев, как человек умный и чуткий, поспешил вмешаться и вывести военного министра из неловкого положения.

– А скажите, Василий Андреевич, как обстоят дела на театре военных действий? – спросил он. – Есть ли известия от Паскевича?

– Как же, известия я получаю ежедневно, – подтвердил князь. – Правда, доходят они с большим опозданием. Пока ничего утешительного Иван Федорович не сообщает. Евпаторию отбить у неприятеля так и не удалось.

– А что наследник? – спросил Орлов, меняя направление разговора. – Ведь вы, граф, с ним виделись?

– Да, не далее как сегодня утром, – подтвердил Киселев. – Должен сказать, что Его Высочество принимает происходящее очень тяжело.

– Да, я это тоже заметил, – кивнул Орлов. – Он совсем не рвется занять трон. В этом он весьма похож на своего царственного отца. Тот в роковые дни декабря памятного года, я помню, тоже воспринимал восхождение на престол не как подарок, а как тяжкий крест.

– Что ж, это хороший признак, – заметил министр государственных имуществ. – Еще Платон говорил – и великий император-философ Марк Аврелий повторил затем, – что лучшие правители получают из людей, которые не хотят царствовать.

– Возможно, возможно... – пробурчал шеф жандармов.

– Мне кажется, Его Высочеству надо готовиться к худшему, – заметил Киселев. – Мы все молимся за здоровье Государя, но надо быть готовыми ко всему...

И то худшее, о котором говорил прозорливый министр государственных имуществ, не замедлило свершиться. 17 февраля состояние августейшего больного резко ухудшилось. Ему стало тяжело дышать – так тяжело, что каждый вдох приносил ему одни мучения. «Долго ли еще продлится эта отвратительная музыка? – спрашивал он в полубреду находившегося у постели лекаря Карелля. – Я не думал, что так трудно умирать».

Более Государь уже ничего не говорил. Утром 18-го началась агония, и в 12 часов с минутами сердце императора остановилось.

Начались обычные в таких случаях печальные хлопоты. Надо было выпустить официальный манифест, извещавший о смерти Государя, провести бальзамирование тела, панихиду, затем отпевание и, наконец, погребение. Шеф корпуса жандармов граф Орлов принимал в похоронах самое активное участие. И вот, посреди этих хлопот, 19 февраля, ему доложили, что в приемной дожидается посетитель.

– Кто таков? – спросил шеф корпуса жандармов. – Не из Варшавы курьер? Я жду оттуда рапорта.

– Никак нет, ваше высокопревосходительство, – отвечал секретарь. – Это чиновник для особых поручений при Его Императорском Высочестве – прошу простить, теперь уже при Его Величестве императоре Александре Николаевиче.

– Чиновник от нового императора? – заинтересовался Орлов. – Как зовут?

– Представился как Углов Кирилл Андреевич, статский советник, – доложил секретарь. – А что касается дела, которое имеет к вашему высокопревосходительству, то отвечает, что дело исключительной важности и может сообщить его содержание только в личной беседе.

– Вот как? – левая бровь князя взлетела вверх, что означало высокую степень заинтересованности. – Дел, правда, много, ну да ладно: проси!

Секретарь исчез, и спустя некоторое время в дверь вошел чиновник для особых поручений. Кирилл Углов оказался мужчиной среднего роста с серыми глазами и весьма цепким взглядом, что сразу отметил шеф жандармов. Партикулярное платье сидело на нем не слишком ловко и казалось слегка великовато. «Небось, из военных, – подумал про себя граф. – Недавно вышел в отставку. Судя по его годам, вряд ли мог дослужиться до высокого чина; в отставку вышел, скорее всего, капитаном. А тут сразу статский советник, чиновник 5-го класса, что выше полковника. Недурная карьера! Когда это он успел так сблизиться с наследником?»

Ничего этого князь Орлов вслух, конечно, не сказал. Он решил взять с неизвестным чиновником тактику молчания. С людьми, не слишком уверенными в себе, она часто приносила успех.

Орлов молча указал вошедшему на стул, стоявший сбоку от его роскошного стола. А когда тот уселся, еще некоторое время рассматривал лежавшие перед ним бумаги – выдерживал посетителя, доводил до нужной кондиции. А выдержав, вдруг бумаги отодвинул и уставился на посетителя в упор. Многие, входившие в кабинет графа Орлова, при таком его обращении робели, начинали путаться и вставали в положение подчиненное – хотя были и при высоких чинах, и при званиях.

Однако Кирилл Углов от пристального взгляда его высокопревосходительства несколько не оробел. Расценив такой взгляд как приглашение говорить, он негромко произнес:

– Я прибыл к вам, ваше высокопревосходительство, по личному поручению нового императора. Вот записка Его Высочества, адресованная вам. В ней изложена суть дела.

И он подал князю сложенный вчетверо листок гербовой бумаги, скрепленный сургучной печатью. Шеф жандармов искоса взглянул на листок; в глаза ему сразу бросился вензель покойного императора в верхнем углу. Этот его взгляд не остался незамеченным.

– Писано на бумаге покойного Его Императорского Величества, – счел нужным пояснить статский советник. – Сами понимаете, Александр Николаевич еще не обзавелся собственной канцелярией...

«Александр Николаевич! Однако! – отметил про себя Орлов. – Этак про Государя может говорить или болтун, вертопрах, или лицо достаточно близкое. На болтуна этот Углов не похож. Нет, явно не похож. Значит – особо доверительные отношения? Интересно, интересно...»

Он сломал сургуч, развернул письмо и стал читать. По мере чтения выражение его лица изменилось, и вместо величавого довольства (маска, с которой князь обыкновенно проводил часы в присутствии) оно выразило неподдельное изумление.

– Как же это прикажете понимать?! – воскликнул он, дочитав письмо до конца. – Вам поручено расследовать обстоятельства смерти императора Николая Павловича? И вот здесь, здесь!

Тут граф ткнул пальцем в листок.

– Здесь говорится о возможном убийстве! Но этого не может быть!

– Почему же, ваше высокопревосходительство? – спросил посетитель все так же тихо.

– Да как такое могло прийти вам в голову?! – вскричал шеф жандармов. – Вы что, подзреваете кого-либо из особ, приближенных к покойному Государю? Допускаете государственный переворот?

– А почему бы и нет? – возразил чиновник для особых поручений. – Разве в прошлые царствования не случалось подобных...

– Да, случалось! – гремел князь. – Но то были другие времена и другие правители! Правители слабые, или чрезмерно жестокие, или неспособные к управлению... Император Николай Павлович никак не походил на этих... этих... Как можно такое допускать?!

– Я, собственно, не имел в виду непременно заговор при дворе, – заметил Кирилл Углов. – Рассматриваются и иные возможности.

– Возможности? Какие возможности? – шеф корпуса жандармов удивился так сильно, что даже забыл про гнев.

– Вы же понимаете, что в государстве имелись силы, испытывающие по отношению к Государю совсем иные чувства, нежели мы с вами. Силы, считающие Николая Павловича виновником происшедших с ними несчастий...

– А, вы имеете в виду поляков! – воскликнул Орлов. – Это – да! Эти, конечно, желали бы свести помазанника Божия в могилу. Но – руки короткие! Никто из этих Высоцких и Чарто-рыйских не имеет доступа ко двору. Их и близко не было в окружении императора!

– Вовсе не обязательно находиться в окружении императора, чтобы организовать его убийство, – заметил на это статский советник. – И вовсе не обязательно быть в прошлом участником восстания. Это может быть лицо вовсе неизвестное. Кто-нибудь из слуг... Или из медиков...

– Вы что, допускаете, что император погиб от рук собственных медиков? – вновь возвысил голос граф Орлов. – Немыслимо! Слышите, милостивый государь: это невысказано! И вы что, полагаете, что наше жандармское ведомство совершенно бессильно и не может выявить злодея? Какая наглость! Черт знает что такое!

– Хочу напомнить вам, ваше высокопревосходительство, – спокойно заметил на это посетитель, – что я действую не по своей инициативе, а волею нового императора. Государь далек от мысли винить вас в каком-либо упущении – тем более что собственно управлением корпусом жандармов занимается в последнее время генерал-майор Дубельт. Государь хотел бы лишь одного: беспристрастного и профессионального расследования всех обстоятельств, связанных со смертью его отца. А к вам он питает прежнее расположение, какое питал и покойный император.

– Вот как? – уже совсем иным тоном произнес Алексей Федорович. – Действительно, если на то есть воля нового Государя... Расследование... Как это вы выразились? Беспристрастное и... какое?

– Не обращайтесь внимания, ваше высокопревосходительство, – сказал Углов. – Это я использовал новый термин, который пока еще не вошел в общее употребление. Я только хотел вас заверить, что расследование будет проведено быстро и в глубокой тайне. Никто из членов царствующего дома не будет потревожен. Да и высоких особ мы касаться не будем.

– «Мы»? – поднял бровь граф Орлов. – Вы хотите сказать, милостивый государь, что надеетесь получить в свое подчинение группу моих подчиненных?

– Нет, не хочу, – заверил его Углов. – Точнее, не смею на это надеяться, зная занятость жандармского корпуса. У меня есть своя коман... То есть у меня есть свои подчиненные. Мне их будет вполне достаточно.

– Значит, все будет проведено быстро и тайно... – задумчиво произнес граф, повторяя слова посетителя. – Это неплохо, неплохо... Этакое *secret de l'enquête*... В таком случае да, пожалуй...

– Да, вот именно *secret de l'enquête*! – сказал Углов – теперь уже он повторял слова князя.

– Хорошо, но чего же вы в таком случае от меня хотите? – спросил Орлов. – Царское повеление у вас уже есть, людей вам не нужно...

– Но я же не мог начать действовать в такой сфере, как следствие, – объяснил статский советник, – не заручившись согласием вашего высокопревосходительства. Это было бы неучтиво, верно ведь? Я должен был поставить вас в известность с самого начала. Кроме того, я надеялся получить от вашего высокопревосходительства хороший совет относительно направления расследования. Ведь вы лучше меня знаете окружение покойного императора и вообще ситуацию в стране...

– Как вы, однако, необычно выражаетесь, – заметил граф. – Ситуация... Тоже, верно, какой-то новый термин? А насчет совета, что ж...

Видно было, что глава Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, с одной стороны, польщен просьбой, а с другой – несколько растерян.

– Что ж, я могу повторить то, что уже говорил, – с важным видом изрек Орлов. – Польские круги, вечно недовольные своим положением, – это, пожалуй, самое первое направление, которое приходит в голову, если всерьез ставить вопрос о таком преступлении, как убийство русского Государя.

– А еще кто мог? – спросил Углов.

– Еще? – граф в растерянности развел руками. – Не знаю... Нет, просто не представляю!

– А какие-нибудь революционеры? Бунтовщики? Ну, вроде тех, кто потрясает Францию?
– Бунтовщики? – с удивлением произнес граф. – Карбонарии? У нас, в России? Нет, это немыслимо! Совершенно немыслимо!

– Тогда, может быть, происки соседних государств? – не унимался посетитель. – Например, Блистательная Порта, столь часто битая нашими армиями? Или Англия, вдохновительница теперешнего нападения на Россию?

– Турки? – задумался Орлов. – Что ж, турки могли бы... да, могли... Но, опять же – каким образом? В окружении Государя нет никого, кто мог бы стать проводником замыслов султана. А что касается Англии... Как-то это на нее не похоже... Впрочем, это предположение стоит проверить.

– Хорошо, я проверю, – кивнул Углов. – Тогда, ваше высокопревосходительство, у меня останется к вам лишь одна просьба. Не могли бы вы выдать предписание для всех чинов жандармерии, дабы они оказывали всемерное содействие в моем расследовании? Мне бы такая бумага очень помогла.

– Предписание? Да, это возможно, – согласился Орлов. – Я распоряжусь, чтобы составили. Скажите, куда вам доставить этот циркуляр?

– А не надо составлять, у меня уже составлено, – заявил статский советник. – Вот, извольте прочесть, и если все в порядке, то можно было бы и визировать.

С этими словами он подал главе корпуса жандармов еще одну бумагу – и вновь с вензелем императора Николая Павловича. Князь Орлов прочел документ, произнес «Кхм, ну-с...», после чего взял перо, поставил внизу свой росчерк и вернул бумагу статскому советнику. Кирилл Андреевич Углов встал, произнес «Премного вам благодарен» и уже направился было к выходу, но на полпути вдруг обернулся и произнес:

– Совсем забыл вам сказать. Его Императорское Величество изволили пожелать, чтобы начатое мною расследование оставалось в тайне, насколько это возможно. Стало быть, и мой визит к вам тоже не подлежит огласке.

– Понимаю... да, воля Государя... – веско отвечал шеф жандармов. – Это все?

– Да, все... Хотя нет, есть еще один вопрос, личный. Скажите, а что, это действительно бросается в глаза – вот эти... эээ... новые термины, которые я употребляю?

– Да, верно, – кивнул граф. – Как-то это... необычно. Как это вы давеча выразились? «Ситуация в стране»... Надо будет запомнить. А еще ваша манера говорить... Словно вам, сударь, некогда, и вы все время торопитесь. Да, и еще ваш французский... Он какой-то не такой...

– Вот как? – произнес статский советник. – Надо будет проследить. Весьма вам благодарен за содействие, ваше высокопревосходительство.

Дверь за необычным посетителем закрылась, а глава Третьего отделения все никак не мог отделаться от ощущения, что было в посланце нового императора еще что-то странное, что он не смог уловить. Нужно было внести ясность. Граф чуть тронул колокольчик, и в дверях кабинета тут же возник секретарь.

– Знаете что, поручик, – обратился к нему Орлов. – Вы запомнили этого чиновника, что сейчас вышел?

– Статского советника Углова? – спросил секретарь. – Запомнил, ваше высокопревосходительство.

– Тогда бросьте все дела и быстро идите за ним, – скомандовал граф. – Узнайте, где остановился, что за люди его окружают... Ну, и вообще понаблюдайте. И если заметите что необычное – докладывайте мне. Сразу докладывайте!

– Будет исполнено! – ответил секретарь и исчез. А глава Третьего отделения еще минуту подумал, припоминая только что состоявшийся разговор, затем пожал плечами и вернулся к тексту официального манифеста о смерти императора.

Между тем поручик Машников, получивший задание графа, не теряя времени, схватил в приемной шинель, выскочил в коридор и едва ли не бегом припустил к лестнице. Как выяснилось, спешил он не зря: чиновник для особых поручений уже находился в самом низу, вот-вот выйдет из здания. Поручик пристроился сзади и стал наблюдать. Он заметил, что, спускаясь по лестнице, статский советник Углов пару раз энергично взмахнул рукой, словно отрубая что-то. Поручику также показалось, что при этом статский советник что-то бормотал себе под нос.

Секретарь шефа жандармов очень бы удивился, имей он возможность слышать, что именно говорил чиновник для особых поручений. А говорил он (впрочем, совсем негромко) следующее:

– Ах я и бестолочь! Права была Катерина, права! «Ситуация, профессионально...» Хорошо еще, что про «нигилистов» не ляпнул – чуть с языка не сорвались. Едва не прокололся! Вот был бы косяк! Лучше надо было готовиться, лучше...

Глава 4

– Да не «высокоблагородие», а «высокородие»! Как же ты не запомнишь, Кирилл! Это титулование распространяется только на тот чин, к которому ты относишься, то есть на статских советников, чинов 5-го класса. А всех, кто ниже, уже именуют «ваше высокоблагородие». Усекли, ваше высокородие?

– Усек, усек! Это я просто забыл.

– «Забыл, забыл...» Это ты здесь мне можешь говорить. А там ляпнешь – и провалишься на ровном месте. Вообще на тебя не похоже. Ты ведь все на лету схватываешь. А с этим титулованием все время забываешь. И фуражка на тебе вон криво сидит; дай-ка поправлю...

И Катя, шагнув к Углову, чуть поправила косо сидевшую форменную фуражку. Он ощутил прикосновение мягких пальцев; ее лицо, обычно имевшее строгое, деловое выражение, тронула улыбка; майор почувствовал себя так, словно его окатило теплой морской волной. Окатило – и отошло; Катя отступила на прежнее место.

– Все, Екатерина Дмитриевна, ваше высокородие все понял! – подчеркнуто бодро ответил руководитель следственной группы.

– Так, Игорь, теперь ты давай, – повернулась Половцева к капитану Дружинину. – Ну-ка, скажи, как ты будешь обращаться, допустим, к действительному статскому советнику?

– К действительному? Ну, понятно как: ваше превосходительство.

– А к генерал-майору?

– К генерал-майору? Подожди... Да так же! Никакой разницы!

– Хорошо, а кто из них выше чином?

– Чином? Да почему мне знать? – непонятно почему вдруг раздражаясь, ответил Дружинин. – И вообще – зачем мне вся эта хреномундия? Это Кирилл должен со всякими генерал-майорами встречаться. А мое дело – в подвале сидеть, печати да отмычки для него изготавливать. И вообще надо попросить Григория Соломоновича, чтобы сделал меня немой. В смысле, по легенде. Немой, и немой, какой с него спрос!

– Ты это брось, Игорь! – строго обратился к подчиненному майор Углов. – Катерина права: базовой информацией все должны владеть в полном объеме. Кто знает, как там дела повернутся. Может, я куда отлучусь, может, твоя помощь потребуется. И как ты будешь мне помогать, если ни к кому обратиться не можешь? Так что давай, учи, какой чин выше какого, и вообще все, что надо.

– Причем учтите, сударь, что с завтрашнего дня мы и в повседневном общении переходим на стиль XIX века, – заявила Катя Половцева, обращаясь к Дружинину. – Так что никаких «усек», никаких «в смысле» и прочего жаргона нашего времени. Будем входить в роль.

– И что, так еще три месяца разговаривать? – ужаснулся кандидат технических наук.

– Да, только три месяца, – отвечала Катя. – Мало, очень мало! По-хорошему, надо бы полгода так пообщаться. Тогда привычка выработается.

– Ага, вижу, вон и жокей идет, – заметил Кирилл Углов. – Значит, пора в загон, выездкой заниматься.

– О, это я с удовольствием! – воскликнул Дружинин. – Это не то что учить чины и звания! Это дело, достойное истинного дворянина!

– Ладно, давай, дворянин, пошли! – со смехом сказал Углов.

Третий месяц группа «дознавателей во времени», как они окрестили сами себя, занималась подготовкой к отправке в позапрошлый век. Занятия были необычайно многосторонними. Они включали в себя изучение французского и польского языков, а также родного русского языка – но в том варианте, который использовали люди в 1855 году. Далее шло овладение навыками, необходимыми дворянину того времени. Этот курс включал в себя верховую езду,

владение шпагой, саблей и дуэльными пистолетами. Екатерина Дмитриевна, как историк-консультант, придавала очень важное значение изучению манеры общения, привычек, титулования – то есть обращения к лицам различного звания и чина. Кроме того, надо было научиться владеть техникой того времени – фосфорными спичками, кресалом, фитилем и пороховницей, если речь шла об огнестрельном оружии, и тому подобными вещами. Особое усердие в этом проявил, как и следовало ожидать, Игорь Дружинин – ведь именно ему предстояло решать сложные задачи, стоящие перед группой, используя лишь технику того времени.

Катя Половцева в уроках по фехтованию участия не принимала – да ей это и не требовалось. Что же касается выездки, то эта наука ей никак не давалась.

– Я никак не нахожу с этим животным общего языка, – жаловалась она, слезая после занятий со своей кобылы Молнии. – Она меня не слушается и все время норовит уйти куда-то в сторону!

– Ты к ней подходишь слишком технологично, – объяснял Игорь Дружинин. – Словно к машине. Включил нужную передачу – и поехал. А это живое существо, ему ласка требуется, понимание. Но и воля тоже.

– Тоже мне, ковбой нашелся, – фыркала в ответ Катя. – Можно подумать, ты с детских лет верхом гарцуешь! Мне кажется, все наоборот – животными ты мало интересуешься. Готова ругаться, что у тебя даже собаки нет!

– Что верно, то верно, – соглашался Дружинин, – собаки нет, как и жены. Однако в лошади я вижу родное существо. И она мне отвечает взаимностью.

И это было правдой: Игорь, который до этого никогда не подходил близко к лошади, действительно легко овладел верховой ездой. Выяснилось, что у капитана имелся настоящий природный талант в области выездки и вольтижировки. А вот майор Углов мог похвастаться успехами в области фехтования. Он с легкостью отбивал удары противника, проводил атаки и вообще оказался способным к науке мушкетеров.

Курс для группы составил научный руководитель Григорий Соломонович – разумеется, в тесном контакте с Екатериной Половцовой. А вот легенду группы руководство составило втайне от участников. И когда эта легенда была оглашена (это произошло в конце февраля), то вызвала бурное возмущение, особенно со стороны Кати. Дело в том, что по этой легенде ей предстояло стать... женой статского советника Кирилла Углова.

Катя высказалась об этой задумке начальства крайне отрицательно. Она даже заявила, что откажется от участия в проекте. Но тут Юрий Геннадьевич, куратор проекта, вызвал ее к себе и напомнил о том, что проект является государственной тайной, причем строжайшей. И она давала подписку эту тайну хранить.

– Просто так выйти из нашего проекта нельзя, голубушка, – объяснял генерал, расхаживая по кабинету. – Никак нельзя! Я не хочу тебе угрожать – избави Бог! Но ты сама должна понимать, что при таком уровне секретности всякие «хочу» и «не хочу» должны отступить на третий план. И вообще... Из твоего личного дела я составил о тебе совсем другое впечатление. Что ты женщина, что называется, свободных нравов. Даже готова провозгласить в дружеской компании, что переспать с новым мужиком тебе ничего не стоит, если возникнет такое желание. И вдруг это упорство...

– Значит, и это кто-то донес... – усмехнулась Катя. – Сколько у вас друзей в разных кругах... Да, я не ханжа. Но тут особый случай. И мне бы не хотелось этих... отношений.

– Ну, я вынужден повторить, что уже говорил, – сказал генерал. – Выйти из нашего проекта можно... Нет, не на кладбище, не так страшно, но на задворки общества. Больше никакой интересной работы, никаких приличных денег. И уж конечно, никаких путешествий. А ты, я читал, путешествовать любишь? Каждый год то в Африку, то в Азию...

– Да, ездить я люблю... – кивнула Катя.

– Ну, вот и подумай, чего ты хочешь лишиться, – заключил Юрий Геннадьевич.

Этот ли разговор с генералом подействовал на Катю или объяснения Григория Соломоновича помогли, но протестовать она перестала, хотя еще месяц ходила мрачная и при каждом поводе шипела на своего будущего супруга. Шипела – и тут же спрашивала о здоровье мамы (мать майора недавно вышла из больницы после операции).

Объяснения же научного руководителя проекта были простые и вполне разумные.

– Вы же сами понимаете, Екатерина Дмитриевна, – объяснял Нойман, – что в те времена женщина одна жить никак не могла. Нет, были, конечно, исключения – например, вдовы или, что реже, старые девы. Но такая вдова должна быть хорошо всем известна, иметь ясную историю. Все соседи должны знать, кто был муж, когда умер. А о вас кто может что-то знать? Вы возникнете ниоткуда! А женщина, возникшая ниоткуда, может быть только чьей-то женой или дочерью. Да вы сами не хуже меня все это знаете. Ну, и потом, никто ведь не требует от вас фактического выполнения супружеских обязанностей. Вы ведь понимаете, что об этом речь не идет. Так чего же вы так возмущаетесь?

Катя пробормотала что-то о «мужском шовинизме», «брачном рабстве» и тому подобном, но логических доводов против предложенной схемы привести не могла. Так что ее протест был истолкован как проявление обостренного чувства собственного достоинства. И будущий супруг Кати, майор Углов, был того же мнения.

Игорию Дружинину, согласно той же легенде, в чине титулярного советника предстояло стать секретарем и помощником Кирилла Углова. Это позволяло ему жить при квартире «супругов» Угловых – скажем, в отдельном флигеле.

Квартира для группы дознавателей была выбрана заранее. Они должны были расположиться в дальней части Литейного проспекта, близ Фонтанки, в доме купца Воскобойникова. Ныне здесь располагалось одно из городских учреждений. Григорий Соломонович привел своих подопечных сюда на экскурсию – разумеется, негласно.

– Сейчас тут все перестроено, – объяснял он. – А раньше здание все было разделено на дорогие квартиры, которые сдавались внаем. Тут вам будет удобно – от центра города сравнительно недалеко, ехать всего минут десять. Шесть комнат господских, отдельная комната для секретаря, помещения для прислуги... Опять же будет собственный каретный сарай для экипажа.

– Зачем нам экипаж? – удивился Углов. – Десять минут на лошади, тоже мне расстояние! Да я пешком дойду.

– Пешком, Кирилл Андреевич, вам никак невозможно будет, – покачал головой Нойман. – Странно будете выглядеть, коситься будут! Особенно если прибудете в пешем порядке в присутственное место. Лицо такого звания и ранга, как у вас, должно передвигаться исключительно на собственном экипаже. В крайнем случае – в наемной карете. Но это не слишком удобно – не всегда имеется под рукой. А мобильной связи, сами понимаете, не было – оперативно лошадь не вызовешь.

– Черт знает что! – сердито произнес Углов. – Значит, и кучера надо нанимать?

– Может, нанять, а может, приобрести, – поправила товарища Катя Половцева. – Ты забыл, что ты попадаешь в страну, где действует крепостное право. Правда, император Николай Павлович запретил продавать крепостных без земли, но отдельные такие сделки все же происходили. Не беспокойся, дорогой супруг, найму я тебе и кучера, и прачку, и кухарку, и прочую прислугу.

– Какую еще прислугу?! – вскричал будущий статский советник. – Нам посторонние уши в доме ни к чему! Что я, сам за собой не смогу убрать? А ты что, готовить не умеешь? Зачем нам кухарка?

– Даже странно слышать от вас такие слова, милостивый государь, – томно проворковала в ответ «супруга». – Как же это благородная дама на кухне возиться будет, словно Глашка какая? Что соседи скажут?

– А откуда они узнают? – спросил «секретарь и помощник» Дружинин.

– От слуг, разумеется, – спокойно сообщила Половцева. – Слуги во все времена разносили сведения о своих господах с той же скоростью, с какой микробы разносили испанку или холеру. Кучер расскажет своему брату-кучеру и также подруге сердца, которую заведет у других господ, лакей – своему знакомому...

– Вот идиотское положение! – воскликнул Углов. – И что, нет никакой возможности этого всего избежать?

– Только одна – как можно быстрее закончить расследование и вернуться в свое время, – сказал прислушивавшийся к разговору Григорий Соломонович. – А пока находитесь в прошлом – твердо соблюдать принятые там обычаи и при слугах держать язык за зубами. Так что, как вам квартира?

– Пропади она пропадом, эта квартира! – сказал Кирилл Углов. При этом он, однако, не забыл цепко оглядеть и дом, и предназначенные для группы апартаменты. Он всегда умел обуздывать свои эмоции и не давать им воли.

После посещения будущей квартиры начались углубленные занятия по этикету. Вела их Катя. Она же разработала и весь курс. Это было делом нелегким: до сих пор никто не включал в понятие «этикет» обращение со слугами и прочими лицами простого звания. Углов и Дружинин учились с легкостью переходить от изысканной вежливости в обращении с равными и вышестоящими к строгости и даже грубости при разговорах с низшими.

За время обучения члены группы лучше узнали друг друга. Майор Углов уже не считал капитана Дружинина несерьезным. Да, капитан был не самым дисциплинированным сотрудником, какого он знал. Но слова «долг» и «надо» Дружинин хорошо понимал. И потом, какой специалист! Не было такого технического устройства, от дверного замка до новейшего принтера, которое капитан не мог бы починить, причем всего за несколько минут. Недаром он в свои 29 лет успел получить уже два патента на изобретения.

Оценила капитана и Катя Половцева. Правда, не за технические познания, не за умелые руки. Выяснилось, что у кандидата исторических наук Половцевой и кандидата технических наук Дружинина имеются общие интересы. Прежде всего – любовь к перемене мест. Капитан Дружинин успел побывать на нескольких известных курортах, а также объездить всю Европу, в частности северную. Однако он не забирался в отдаленные уголки Земли, где бывала Катя. А она была и в Марокко, и в Сенегале, и в Индии...

Но мало бывать в интересных местах – в конце концов, бывают многие, у кого деньги водятся. Важно уметь замечать интересное, наблюдать. Оказалось, что Катя и Игорь Дружинин наделены этой способностью в равной степени. Немудрено, что их беседы нередко затягивались за полночь. Также естественно, что с путешествий они то и дело переходили на другие темы. Так, Катя узнала, что Игорь, помимо странствий, увлекается древними цивилизациями и научными открытиями. А Дружинин выяснил, что кандидат исторических наук держит собаку – ирландского терьера по кличке Куник, к которому очень привязана, что она любит театр, не пропускает ни одной премьеры в МХТ. А вот о личной жизни Кати, о ее симпатиях и антипатиях капитан не узнал ничего. А хотелось, очень хотелось. И еще больше ему хотелось выяснить, как относится Катя к нему лично. Но в ходе бесед на отвлеченные темы это выяснить не удавалось, а спросить напрямую Дружинин не решался...

К началу августа обучение дознавателей было закончено. На базу в Павловске, где они находились, прибыли и Нойман, и руководитель проекта Николай Волков, и генерал Юрий Геннадьевич. Он и задал главный вопрос, адресуя его отчасти научному руководителю, а отчасти Кате Половцевой:

– Ну что, группа готова?

Нойман и Катя переглянулись, и Григорий Соломонович ответил:

– В основном да. Люди освоили большой объем информации. Приобрели нужные навыки. Изучили языки. Конечно, есть кое-какие шероховатости, но где их не бывает? На мой взгляд, откладывать дальше не имеет смысла.

– А вы как считаете? – спросил генерал, повернувшись к Кате.

– Я согласна, что в основном мы готовы. Единственное, что меня беспокоит, – это жаргон.

– Ну-ка, объясните! – потребовал генерал.

– Можно привыкнуть к таким обращениям, как «ваше превосходительство» или «милостивый государь», – сказала Катя. – Научиться целовать дамам руку, не вытирать ноги при входе в дом и тому подобное. Но язык все равно выдает. Даже у меня иной раз какое-нибудь словцо проскакивает. А что говорить о ребятах! Но чтобы это вытравить, и года окажется мало.

– Года у нас нет, – решительно заявил генерал. – Руководство ждет результатов расследования. Будете держать язык за зубами!

С этим напутствием в назначенный час они прибыли в здание Государственного Эрмитажа. Все правое крыло первого этажа было закрыто для посетителей под предлогом ремонта. Руководители проекта полковник Волков и Григорий Соломонович Нойман встретили группу дознавателей у входа и провели в небольшую комнату, ничем не отличающуюся от остальных залов. Правда, все картины в этой комнате были тщательно закрыты холстом, а посередине возвышались три ложа, наподобие зубо врачебных кресел, с откинутыми в сторону колпаками.

– Ну, вот, молодые люди, ваша «машина времени»! – сказал Нойман.

– Что, вот эти кресла? – спросил Дружинин.

– Это, Игорь Сергеевич, никакие не кресла, а считывающие устройства, – сказал научный руководитель. – Сейчас каждый из вас разделется и ляжет на свое... гмм... на свой аппарат, устроится поудобнее... Устраивайтесь, устраивайтесь! Теперь слушайте меня внимательно. Когда колпаки опустятся, вы уже не будете меня слышать. После этого аппаратура погрузит вас в состояние анабиоза и считает ваш генетический код. И ваши двойники оживут в точке, обозначенной как 10 часов 43 минуты 12 февраля 1855 года. Оживут и начнут действовать. Что вам делать – вы знаете. А еще вы должны знать, что ваша миссия должна закончиться ровно три месяца спустя, то есть 12 мая того же года. И тоже в 10 с половиной часов! Минуты тут не так важны, но до полудня вы обязательно должны уложиться. Потому что именно в это время будет включен приемный луч, который перезапишет ваш код – уже обогащенный новой информацией – и внедрит его в ваши тела, которые все это время будут ждать вашего возвращения в этой самой комнате. Все понятно?

– Дату встречи изменить нельзя... – пробормотал в ответ Дружинин.

– Я же говорила: отвыкайте от этих речевок! – резко сказала Катя. После чего, повернувшись к Нойману, сказала:

– Мы все поняли, ваше превосходительство! До скорой встречи!

– Да встречи! – хором откликнулись ее спутники.

Нойман перевел ряд рычажков на пульте, и больше Кирилл Углов и его товарищи ничего не слышали...

Глава 5

19 февраля, в первом часу дня, к подъезду Демутова трактира, что на Большой Конюшенной, подкатила извозчичья пролетка. Из нее вышел господин в военной шинели, но при этом в партикулярном платье. Рассчитываясь с извозчиком, господин несколько задержался: кажется, обращение с деньгами вызывало у него некоторые затруднения. Так, он вначале протянул «ваньке» рубль, чем немало удивил сидевшего на козлах мужика. Однако, будучи человеком богобоязненным, а также осторожным, извозчик поспешил указать пассажиру на его ошибку.

– Тута двугривенный полагается, ваше превосходительство! – сообщил он. – Ежели очень довольны, то от щедрот можно еще гривенник добавить, но никак не более!

– Сам знаю, обознался просто! – отрывисто ответил господин в шинели, после чего поднялся на крыльцо. Перед тем как войти, он обернулся и окинул взглядом улицу. Впрочем, особо ни к чему не приглядывался: так, поглядел и скрылся внутри.

«Однако, взгляд у этого Углова – чистая бритва! – отметил про себя пассажир кареты, что подъехала к гостинице чуть позже и встала поодаль. – Хорошо, что я не поспешил, карету взял. В пролетке он бы меня вмиг приметил! Надо этот факт отметить. Хотя, с другой стороны, чиновник для особых поручений и должен внимание иметь, так что ничего странного тут нет. А вот что это он при расчете задержался? Надо узнать...»

И поручик Михаил Машников, будучи человеком дотошным, направился к извозчику и переговорил с ним. А затем, войдя в гостиницу, побеседовал и с портье. От которого узнал, что статский советник Углов с супругой разместился на втором этаже, в номере с видом на Мойку. Посчитав, что сведений пока собрано достаточно, а следить за объектом силами одного человека невозможно (да граф Орлов и поручал не следить, а понаблюдать), поручик отбыл обедать.

Между тем в номере, который занял статский советник, происходило производственное совещание. В нем, помимо самого статского советника и его супруги, принимал участие помощник Углова титулярный советник Игорь Дружинин.

– Будем считать, что первый этап внедрения завершен, – заявил Углов, который вел совещание. – Хронологический переход прошел успешно. Одеждой мы обеспечены, деньги на первое время есть. Пора приступать к работе. Собственно говоря, я уже приступил. За прошедшие дни я побывал во дворце, поговорил кое с кем из слуг. А сегодня нанес визит графу Орлову. Все прошло без накладок, так что напрасно ты, Катерина Дмитриевна, опасалась. Представился графу, и даже бумагу получил. Вот – предписание всем чинам жандармского ведомства оказывать всемерное содействие статскому советнику Углову. Так что можно начинать. Я думаю, что сегодня мы должны нанести визиты...

– А дозволите ли, господин статский советник, женушке вашей слово молвить? Прежде чем вы указания ценные давать начнете? – нарочито кротким голосом, в котором, однако, чувствовалась издевка, спросила консультант Половцева.

– Вообще-то я еще не закончил, – выразил недовольство чиновник для особых поручений. – Только если что-то крайне важное...

– Думаю, что важное, – кивнула Катя. – Видите ли, дорогой супруг, мне кажется, что вы спешите. Прежде чем наносить визиты и вообще разворачивать оперативную работу, надо бы обустроиться и обеспечить тылы.

– А разве они не обеспечены? – удивился Углов.

– Думаю, что нет, – покачала головой Катя. – Ты что, так и собираешься жить в этой гостинице?

– А почему и нет? – пожал плечами статский советник. – Живем в самом центре, всюду легко добраться. Внизу ресторан, можно еду в номер заказать. И потом, мне сказали, что тут, чуть ли не впервые в Петербурге, устроено газовое освещение. Идут в ногу с прогрессом!

– Это хорошо, что в ногу. Но в гостинице жить нельзя. Во-первых, дорого. В царской шкатулке, как ты помнишь, мы нашли всего 527 рублей. Сумма приличная, но не очень большая – едва на месяц хватит. Так что нужно жить по средствам. А в квартире дешевле. Во-вторых, в гостинице не живут – в ней останавливаются на время. Тем более женатые люди. Это не принято.

– У тебя все? – с кислым видом произнес Углов.

– Пока да. Ты, конечно, можешь со мной не согласиться – ты у нас начальник. Но ведь руководство не случайно наметило нам квартиру, которую мы могли бы снять. То есть Григорий Соломонович думал так же, как я.

– Ладно, ладно! – воскликнул Углов. – Наверно, ты права. Даже наверняка! Просто мне жалко тратить время на все это обустройство. Не для того ведь нас сюда засылали, чтобы мы кареты покупали и обеды устраивали! А время уходит – драгоценное время, пока все следы еще горячие!

– Мне кажется, у тебя еще одна причина есть, чтобы здесь остаться, – заметил молчавший до этого Дружинин. – Причина чисто психологическая. Жить в гостинице привычнее. Это больше похоже на нашу – ну, ту, будущую – жизнь. Там ведь ни у кого из нас не было ни выезда, ни прислуги. А в гостиницах останавливались, и не раз.

– Может быть... – кивнул Углов. – А особенно хорошо у тебя получилось насчет «нашей будущей жизни». Ладно, так что вы предлагаете? Отложить пока дела и ехать всем на Литейный проспект, квартиру снимать?

– Зачем же всем? – ответила Катя. – Квартиру и я могу снять – если супруг доверит, конечно. И прислугу нанять могу. Ну, и всякие мелочи, вроде белья, платьев... А вы с Игорем в это время можете заниматься делами.

– Каких еще платьев? – удивился Углов. – На тебе вон платье самой императрицы! А ты все недовольна...

– Ну, ты даешь! Ты что, всерьез считаешь, что в этом можно выйти на улицу? Это же вечернее! А нужно еще дневное, домашнее, для выездов... И тебе, кстати, тоже нужно приодеться. Все эти вопросы я возьму на себя.

– Хорошо, – согласился Углов. – Вот деньги, бери, распоряжайся. А мы с Игорем сначала займемся врачами. Распределимся так: я побеседую с главным императорским лекарем господином Мандтом, а ты, – тут он повернулся к Дружинину, – должен встретиться с профессором Енохиным.

– Что за профессор такой?

– Лейб-медик покойного императора, а также приближенный врач нового царя Александра. Енохин Иван Васильевич. Доктор наук, профессор. В последние дни болезни Николая находился при нем безотлучно. Так что его показания могут быть очень важны. Живет он недалеко от Зимнего, на Мойке. Так что можем ехать вместе. А потом договоримся, где встретиться... Вот черт, все время забываю! Да, вот главное отличие этой эпохи – отсутствие связи! Стало быть, встретимся снова здесь.

У подъезда расстались. Екатерина Дмитриевна взяла карету до Литейного, а Углов и Дружинин сели в пролетку, приказав «ваньке» ехать на Мойку. На углу, при повороте на набережную, он попрощался со своим секретарем и пешком направился на Дворцовую площадь.

Встреча с доктором Мандтом была делом отнюдь не простым. Подчиненным майор Углов этого, конечно, не стал говорить, но сознавал всю шаткость своего положения. Ведь доктор Мандт квартировал не где-нибудь, а в самом Зимнем дворце. И там же, во дворце – можно сказать, по соседству с доктором – со вчерашнего дня поселился новый император Алек-

сандр. Таким образом, представляясь Мандту «доверенным лицом нового императора», Углов сильно рисковал. А вдруг доктор выразит сомнение и предложит пройти в покои самодержца, чтобы тот подтвердил полномочия «чиновника для особых поручений»? Или к нему в комнату во время беседы вдруг зайдет кто-то из придворных – кто-то, прекрасно знающий, что никакого статского советника Александр к себе не приближал?

«Запалюсь, ой запалюсь! – думал Кирилл Андреевич, входя под арку Генерального штаба. – Ну, да делать нечего. Побеседовать с доктором совершенно необходимо. Однако, что это тут за сборище? Никак митинг! Быть такого не может!»

Перед главной резиденцией российских императоров толпился народ. По мере приближения Углов стал различать отдельные фигуры и поразился еще больше. Он уже привык к мысли, что в той новой России, куда он попал со вчерашнего дня, люди разных сословий находятся всегда отдельно, нигде не пересекаясь и почти никогда не общаясь. Здесь же, перед дворцом, стояли тесной толпой и люди «благородного звания», вроде самого Углова, и купцы в длинных кафтанах с окладистыми бородами, и люди в серых и черных рясах (монахи, а может, и священники), и совсем уж простой народ в драных армяках и чуйках. Пробираясь между стоящими, Углов ловил обрывки разговоров.

– И жил, как солдат, и умер, как солдат! – говорил господин лет пятидесяти в поношенной кавалерийской шинели. – На узкой койке, без перин, без роскоши!

– Да, святая, истинно святая жизнь! – соглашалась дама в дорогой пелерине, с дорогими серьгами в ушах. – И тело, рассказывают, не тлеет...

– Это вы напрасно, сударыня, – покачал головой солидный господин в золотом пенсне, по виду – то ли профессор, то ли богатый купец. – Мне знающие люди передавали, что на теле императора появились трупные пятна и следы разложения, хотя доктора старались предохранить.

– Такое при отравлении бывает, – заявил высокий человек в рясе священника. – Из истории известно, что многие римские императоры кончали жизнь от яда. И всегда на теле проступали пятна гниlostные.

– Так и есть, так и есть! – воскликнул человек средних лет, в кафтане, по виду – приказчик. – Отравили нашего государя лекари заморские, точно отравили!

– И даже известно, кто из лекарей! – подхватила тетка в салопе. – Немец этот, Мандт! Он государю яд подсунил, все так говорят!

– Да, верно, Мандт всему виной! – прокричал кто-то. – Он отравитель!

– Выдать нам немца на расправу! – загудела толпа.

Чем ближе к подъезду, тем гуще становился народ, тем труднее было пройти. Тогда Углов возвысил голос и стал восклицать:

– Дорогу! Дайте пройти! К Государю, по срочному делу! Расступись!

Это возымело действие: люди охотно расступались перед важным чиновником, спешащим к Государю.

Он ожидал, что у входа во дворец его встретят часовые; возможно, потребуют пропуск, как было в любом государственном учреждении в привычное ему время.

Статский советник даже приготовил бумагу, полученную от графа Орлова, чтобы предъявить ее вместо пропуска. Впрочем, он сомневался, надо ли это делать: ведь солдаты, в подавляющем большинстве, были неграмотны, как и 93 процента населения Российской империи, и прочесть важную бумагу не могли.

Однако у входа во дворец никаких часовых не оказалось. Несмотря на собравшуюся на площади толпу, человек примерно в тысячу, дворец никак не охранялся. У подъезда стоял лишь швейцар в золоченой ливрее. Увидев подходившего Углова, он услужливо распахнул дверь.

Статский советник шагнул в нее, затем слегка задержался и сказал:

– Слушай, братец, мне необходимо увидеть императорского лейб-медика господина Мандта. Он в каких покоях квартирует?

– А это вам не сюда, ваше благородие! – отвечал швейцар. – Это вам надобно со стороны собора зайти, там отдельный вход имеется.

– Спасибо, братец, – сказал Углов и отправился разыскивать нужный вход.

Разыскал он его без особого труда. Однако нужная дверь, в отличие от главного входа во дворец, оказалась закрыта. Углов подергал висевший сбоку звонок – никакого ответа. Он постучал – результат тот же. Тогда он забарабанил в дверь так, что она затряслась, и прокричал:

– Открывай немедленно! От его сиятельства графа Орлова! Если не откроете – выломаю дверь!

Эта угроза возымела действие. Послышался звук отодвигаемых засовов, дверь приоткрылась, и в ней показался чей-то испуганный глаз, который принялся изучать грозного посетителя. Однако Углов не собирался ждать результатов этого изучения. Он толкнул дверь изо всех сил, цепочка отлетела, и он оказался в темной передней.

Перед ним стоял худой человек лет сорока, среднего роста, в криво застегнутом сюртуке.

– Ты Мартин Мандт? – спросил его Углов.

– Я рюсськи не понимаю! – отвечал человек, тараща водянистые серые глаза. – Я не есть Мартин Мандт, есть sein Assistent!

– Ах, помощник! Хорошо, а где же лейб-медик? Мне необходимо с ним срочно переговорить!

– Я не знаю, совсем не знаю! – заверил «ассистент». – Герр Мандт уехал, да, уехал!

– Куда уехал? – продолжал допытываться статский советник.

– Я вам говорить, я не знаю! – продолжал твердить человек. – Герр Мандт не говорить, куда!

– Слушай меня внимательно, помощник, – сказал Углов. – Вон там, на площади, за углом, собрались люди, возмущенные смертью Государя. Пока я шел по площади, я слышал, как люди требовали на расправу твоего хозяина. Если ты мне сейчас же, сию минуту не скажешь, где находится Мандт, я выведу тебя туда, к толпе, и скажу, что ты первый Мандтов помощник и соучастник его преступлений. Что вы вместе готовили отраву для Государя. Как ты думаешь, что с тобой сделают возмущенные люди?

– Не надо, не делайте этого! – вскричал человек в сюртуке. Лицо его, и без того имевшее нездоровый оттенок, еще сильнее побледнело. Однако Углов отметил, что речь его стала заметно более грамотной, а акцент менее заметным. – Я ни в чем не виноват!

– Я и не говорю, что ты виноват, – заметил Углов. – Я всего лишь хочу получить нужные мне сведения. И ты мне их сейчас дашь. Итак, в последний раз спрашиваю: где сейчас Мандт?

– Он уехал, уехал! – заторопился помощник. – Эти люди собирались здесь еще вчерашний день, и кричали, и очень сердились на господина лейб-медика. Ну, вы сами слышали! Он был очень расстроен, очень боялся и говорил, что здесь оставаться опасно. Это наше счастье, что никто не знает, что у нас отдельный вход. Ведь здесь не живет Государь, и здесь нас никто не защитит! Господин Мандт не знал, что делать, но тут приехали коллеги...

– Какие коллеги? Их имена?

– Господа придворные лейб-медики Каррель и Магнус. Они совещались с моим патроном и решили, что будет лучше, если он некоторое время поживет у своего знакомого...

– Адрес?

– Я не знаю точно...

– Врешь, знаешь! – повысил голос статский советник. – Вижу, что знаешь! Адрес!

– Хорошо, хорошо... Это на Васильевском острове, в Шестой линии, дом надворного советника Павлинова... Там на углу аптека, содержит Клаус Фогель, а над аптекой квартира.

Вот там... Герр Фогель есть старинный приятель господина Мандта, у него и лекарства покупали... Только вы не говорите, что это я адрес сказал...

– Ладно, не скажу, – пообещал Углов. – Если спросят, отвечу, что в справочное бюро позвонил. Да не ломай голову – это я пошутил.

Глава 6

На Васильевский остров Углов добрался ближе к вечеру, когда солнце уже садилось. Дом надворного советника Павлинова оказался в самом конце Шестой линии, возле церкви Трех Святителей. Это было солидное здание в два этажа, на углу и правда имелась аптека.

Статский советник отпустил извозчика и вошел внутрь. За конторкой сидел мальчик лет двенадцати, в синем фартуке и берете. Перед ним на пюпитре стояла толстая книга, рядом – аптекарские весы. В руке у юного провизора имелись щипцы. Ими мальчуган брал по несколько крупиц порошка то из одной, то из другой банки, взвешивал их на весах, а затем сыпал в стоявший здесь же тигель.

Увидев вошедшего посетителя, мальчик с легким немецким акцентом спросил:

– Что вам угодно, господин? Желаете заказать или вам готовую микстуру?

– Заказывать мне ничего не нужно, – отвечал статский советник. – Где хозяин?

– Господин Фогель сейчас заняты и не принимают, – сообщил мальчуган.

– Вот как? А ты кто – его сын?

– Никак нет, я ученик, меня звать Николас.

– Так вот, Николас, послушай меня. Я из полиции, точнее, из жандармерии. Слышал про такое учреждение? Я не спрашиваю, принимает ли аптекарь Фогель или не принимает. Мне только нужно знать, где он в данный момент находится. Он, а также его гость.

– Они в столовой, господин, – отвечал ученик провизора. – Это здесь, по коридору. Они ужинают. Вас проводить?

– Не надо, – остановил его Углов. – Сам дойду. Они там вдвоем?

– Нет, еще фрау Марта, супруга герра Фогеля.

– Очень хорошо, – кивнул Углов. – Где пройти – здесь? Ага, вижу. Все, можешь продолжать. Сиди как сидел, делай свои... микстуры.

Углов прошел за стойку, свернул по коридору, отворил дверь и оказался в небольшой, но уютной комнате. Посредине стоял стол, за которым сидели женщина и двое мужчин. Сидевший слева был лет около шестидесяти, с седыми волосами и румяным, каким-то кукольным лицом, в пенсне. Напротив сидел человек высокого роста, могучего сложения, с крупными, даже грубыми чертами лица и густой темной шевелюрой. Чем-то он напоминал виденный Угловым портрет композитора Бетховена.

При появлении гостя все сидящие подняли лица от тарелок; оживленный разговор, шедший по-немецки, прекратился. Если до тех пор у Углова оставались сомнения насчет того, кто из присутствующих – Мандт, то теперь они отпали: в то время как старик в пенсне выглядел лишь удивленным и растерянным, его визави, похожий на композитора, побледнел; он во все глаза глядел на вошедшего.

– Господин Мандт? – обратился прямо к нему майор. – Я статский советник Углов, выполняю особое поручение Его Императорского Величества. Мне необходимо поговорить с вами наедине. Где это можно сделать?

Вместо Мандта, еще не обретшего дара речи, ответил хозяин.

– Да-да, конечно, ваше сиятельство... высокоблагородие... ваша милость... – зачастил он, теряясь в обращениях. – Вы можете поговорить наверху, в комнатах. Там никто не помешает. Или, если вам неудобно, вы с герром Мандтом можете остаться здесь, а мы с Мартой выйдем...

– Лучше здесь, – решил Углов. – Оставьте нас.

– Сию минуту! – произнес аптекарь, поднимаясь. – Идем, Марта, нехорошо, чтобы господин офицер ждал.

Они вышли, причем Фогель тщательно закрыл дверь в столовую. Однако Углов, подумав, дверь открыл, так, что ему стал виден весь коридор, после чего сел наискосок от Мандта, оставив в поле зрения и вход.

– Я вижу, мой приход тебя поразил? – обратился он к лейб-медику. – Думал, что ты сумел скрыться и уже никто не придет?

– Я не совсем понимаю, о чем вы, – отвечал медик. – Я совсем не думал скрыться, просто был пришедший в гости к другу. Но меня поразила одна вещь...

– Какая же? – гость поднял одну бровь.

– Ваша шинель! Это Его шинель! Я ее хорошо помню, он выходил в ней на проводы Преображенского полка! Эти злосчастные проводы, когда Его Величество вновь простудился!

– Ты обозначился, лекарь! – резко ответил статский советник, сурово взглянув на сидевшего напротив человека. – Это моя шинель, и довольно об этом! Лучше скажи, как ты отравил императора Николая!

– Что?! – воскликнул лейб-медик, причем прижал обе руки к груди, словно хотел унять слишком сильное биение сердца. – Отравить?! Какой абсурд! Какой напраслина! Я сделать, я все сделать, чтобы лечить Государя!

– Неужели всё напраслина? – спросил гость и склонил голову несколько набок, словно хотел разглядеть своего собеседника под новым углом. – А почему же такие обильные трупные пятна на теле? Почему такое быстрое разложение?

– Откуда вы знаете про пятна?

– Полно, Мандт! Про пятна знают все, кто собрался на площади! Я был во дворце, беседовал кое с кем. Вы ведь проводили осмотр тела? Составляли заключение?

– Не я один! Осмотр был комиссионный! Там были доктора Каррель, Рейнгольд, профессор Енохин...

– С них мы тоже спросим в свое время. Никто из тех, кто виновен в смерти Государя, не уйдет от ответа!

– Но мы невиновны! Ни я, ни мои коллеги...

– А кто же тогда вручил ему склянку? – проникновенно спросил чиновник для особых поручений.

Глаза Мартина Мандта, и без того расширенные, при этом вопросе вовсе вылезли из орбит; казалось, что медик близок к апоплексическому удару.

– Какую... какую склянку?! – прохрипел он.

– Склянку с ядом! Ведь ты дал ему яд, верно?

– Нет, клянусь! Всем, что есть святого, клянусь, я не давал!

– Но она была у тебя под рукой, не так ли?

– Да, была... она имелась... среди лекарств всегда есть такие... – зачастил Мандт. – Возможно, вы знаете эту поговорку, что все на свете есть яд, и все лекарство...

– Значит, яд у тебя был! – удовлетворенно произнес Углов, откинувшись на спинку стула.

До сих пор он блуждал в темноте и, что называется, стрелял наугад. О трупных пятнах он узнал не от слуг – те хранили молчание. Об этом членам группы рассказал научный руководитель проекта Григорий Соломонович. Он же сообщил, что многие современники связывали появление на теле Государя пятен с его возможным отравлением. И вот теперь лейб-медик фактически признался, что некая склянка с ядом у него имелась.

– Значит, яд у тебя был... – повторил статский советник. – И ты дал его Государю...

– Нет, клянусь, я не давал! – с жаром воскликнул Мандт. – Не дал, хотя он просил!

– Просил?!

– Да, да! Был такой минута, минута слабости, когда... Это был вчера... позавчера... нет, три дня назад, вот когда! Он очень мучился. Кашель, боль в груди и судороги... Он говорил:

«Я не знал, что умирать так тяжело». Я, конечно, его заверял, что о смерти нет речи, что он выздоровеет... Но он уже не верил. И тогда он попросил... Да, один раз...

– И ты принес склянку?

– Да, я принес яд, который дает мгновенный смерть. Мгновенный и безболезненный!

Но он уже передумал.

– Почему же?

– Он сказал... Государь говорил, что Ему запретила мать Иисуса... Как же это? Да, в русском языке есть такое слово, но я забыл...

– Богоматерь?

– Да, так, Богоматерь! У него над кровать висел икона. Очень для него дорогой, он рассказывал. И он глядел на нее, и Богоматерь сказал, что принять яд есть страшный грех. И запретил ему.

– Ну да, Богоматерь запретила, и Государь отказался, а ты все же дал! – заявил Углов. – Признайся – дал?

– Нет, нет! – вскричал лейб-медик, вновь прижав руки к груди. – Почему вы мне не верить?! Вы должны мне верить! Я применял самый лучший метод, атомистический метод, я сам его разработал. Я давал все лекарства, которые рекомендует наука, я тщательно их измельчал, чтобы организм усвоил. Но он не слушал! Он поехал сначала на свадьбу к графу, потом на смотр! Он не говорил, что ему плохо, он говорил, что хорошо! Спросите других врачей!

– Кого? Карреля, Магнуса, Рейнгольда? Они такие же немцы, как и ты! Что, если вы получили такое задание от вашего короля – известить нашего Государя?

– Что вы такой говорите?! – всплеснул руками Мандт. – Это невежественный народ на площади так говорит, но зачем вы повторять? Я лечил, мы все лечил! Если не верите мне, спросите вашего профессора Енохина! Он тоже там был, он знает!

– Енохина мы спросим, – заверил Углов. – Но сначала хочу спросить тебя. Значит, по-твоему выходит, что Государь сам виноват в своей смерти? Он умер потому, что не слушался вас?

– Нет, я не так говорил, – покачал головой Мандт. – Он умер от болезни, против которой современная медицина бессильна. К сожалению, так. У него в легких был очаг воспаления, и погасить его мы не могли, как ни старались. Если бы Государь лежал в постели, возможно, нам бы удалось справиться. Но он не лежал! Он все стремился заниматься делами! К тому же его организм был ослаблен... Он был очень расстроен... Очень переживал...

– Это ты про военные неудачи?

– Да-да, военные поражения! Он человек военный, он очень переживал! Я уговаривал его лежать в постели, а он все стоял перед картой, говорил про фельдмаршала Паскевича, про конницу, артиллерию...

– А когда он попросил у тебя яд – после неудач в Крыму?

– Да, так теперь говорят, я слышал. Но это не так, неудача ни при чем! Он попросил яд в минуту слабости, когда был большой мучений. А потом стало немного легче, и Богоматерь запретила, и отказался.

– Откуда у тебя был яд?

– В моей аптечке самый разный снадобья. Могут пригодиться в разных обстоятельствах...

– Даже яды?

– Вы же знаете: «На свете все есть яд, и все лекарство». Тот яд, что я хотел дать Государю, в малых дозах помогает при желудочных коликах.

– Где сейчас эта склянка, которую ты приготовил для Государя?

– Там, где и стояла, – в аптечке.

– Кому ты рассказывал об этом эпизоде? О том, что Государь просил у тебя яд?

– Великий княгиня... да, великий княгиня Ольга. Она была при отце неотлучно, все видела. И я ей рассказал.

– А кто-нибудь еще, кроме тебя, мог дать Государю яд?

– Но кто мог? Нет, никто не мог! Никто не хотел его смерти!

– А трупные пятна на теле? Быстрое разложение? Разве это не признаки отравления? – продолжал допытываться Углов.

– Да, пятна есть... – признался Мандт. – Но это может быть не слишком качественное бальзамирование...

– Перечисли мне всех людей, кто находился возле покойного Государя в последнюю неделю до его кончины, – потребовал статский секретарь.

– О, это трудно! Таких людей было много. Прежде всего надо назвать Ее Величество Александру Федоровну, братьев и сестер покойного Государя – Анну Павловну, Марию Павловну, Михаила Павловича, Его Величество Александра Николаевича...

– Родственников пока оставим в стороне, – распорядился Углов. – Кто еще, кроме них?

– Если говорить о приближенных, то чаще других у постели покойного Государя бывал его сиятельство граф Киселев. Также навещали императора светлейший князь Василий Андреевич Долгоруков, генерал-адъютант Горчаков, граф Орлов, директор канцелярии императора Панаев, князь Мещерский, граф Клейнмихель... Я могу назвать еще много имен.

– Потом назовешь. Теперь врачи, слуги, денщики – в общем, все, кто не графы и не князья.

– Ну, больше всех возле больного был ваш покорный слуга, подвергшийся ныне необоснованным нападкам и обвинениям... Затем доктора Каррель, Магнус, Рейнгольд, Енохин, камердинер Гримм... Что касается денщиков, то они менялись. Всего их трое, зовут... Нет, не припомню, как их зовут. Еще прислуживали управляющий дворцовым хозяйством Худяков, лакеи... их я тоже не помню.

– А скажи: все эти люди – медики, камердинеры, лакеи – они все люди со стажем?

– Простите? – в глазах лейб-медика отразилось удивление. – Что вы изволили спросить, я не понял?

– Да, это я так... не то слово использовал. Я хотел сказать: это все люди опытные? Проверенные?

– Да-да, все они опытные, служат давно. Управляющий Худяков, кажется, служил еще при покойном государе Александре, был младшим лакеем... Все очень предан Государю, отлично известен...

– Значит, никого нового за последние месяцы не появлялось?

– Нет, какие-то младшие лакеи новые бывают. Но они делают совсем неважную работу: моют, убирают... Что-то принесут... Подать еду или питье им не доверяли. А вас ведь это интересует?

– Меня интересует всё! – веско произнес чиновник для особых поручений. – В деле, которое мне поручено, нет мелочей. Поэтому мы с тобой сейчас сделаем так. Мы попросим дражайшего хозяина дома, господина Фогеля, достать нам бумагу и ручку...

– Вы хотели сказать – перо?

– Ну да, все время забываю... Перо, конечно. И чернил. И я запишу все, что ты мне сейчас рассказал. А пока я пишу, ты постарайся вспомнить имена всех лакеев и прочих слуг, что окружали Государя. Всех – и старых, и новых. И мы их запишем туда же, в твои показания. А еще вспомнишь все свои действия как врача, все, что ты делал для лечения больного, – прямо по дням. Понятно?

– Понятно, выше высокоблагородие, – покорно отвечал лейб-медик.

Глава 7

В Демутов трактир статский советник вернулся поздно вечером – запись, а затем сверка показаний Мартина Мандта потребовали немало времени. Помня о наказаниях Кати, как должен себя вести «человек его положения», он направился прямо к лестнице, даже не повернув головы в сторону портье. Однако его остановили.

– Ваше высокоблагородие! – воскликнул человек за стойкой.

– Чего тебе? – надменно произнес статский советник.

– Так что, изволите видеть, тут ваша супруга вам изволила послание передать, – зачастил портье. – И на словах велела сказать, что вы теперь тут не проживаете. Поскольку она квартиру сняла. Тут, в записке, все сказано.

И он с поклоном передал Углову листок бумаги. Развернув его, майор прочитал следующее:

«Дорогой супруг! Рада сообщить, что квартиру я сняла. Ту самую, что мы наметили, на Литейном, в доме купца Воскобойникова. Там и жду тебя с нетерпением. Твоя Катя».

При последних словах Углов хмыкнул, сунул записку в карман и направился обратно, к выходу.

К счастью, «ванька» ему попался толковый: нужный дом ему был, оказывается, известен, так что доехали быстро. Входная дверь оказалась не заперта. Перешагнув порог, Углов оказался в довольно тесной прихожей, которую тускло освещал висевший на стене подсвечник с тремя свечами. Сбоку, на стене, торчали олени рога, а в глубине угадывалась лестница на второй этаж.

Не успел он оглядеться, как в стене открылась дверца, и оттуда выскочил бойкий малый в мышинного цвета ливрее.

– Здравствуйте, барин! – приветствовал он статского советника. – Шинельку позвольте принять? Супруга ваша вас уже дожидаются, с помощником. Велели передать, как придете, чтобы проводить вас прямиком в столовую. Или в нужник поперву желаете?

– А ты кто такой? – подозрительно спросил Углов.

– Так что я лакей ваш, Спиридоном зовут, – представился малый. – Спиридон Тихонов мое прозвание. Супруга ваша, Катерина Дмитриевна, меня наняла.

– Вот как! – произнес майор, не зная, что еще сказать в таком случае. – А что это у вас темно как? Не разглядишь ничего!

– Разве темно, барин? – удивился лакей. – Вона, три свечи горят. В других домах, попроще, и двумя обходятся.

– Ладно, Спиридон, показывай этот... нужник, – согласился статский советник. – А дорогу в столовую я сам найду.

Поднявшись, после необходимых процедур, на второй этаж, Углов прошел анфиладу небольших комнат, освещенных так же слабо, как и прихожая. Впрочем, в одной статский советник разглядел раскрытый рояль с нотами на пюпитре.

После темных комнат столовая показалась ему прямо-таки залитой светом: здесь по стенам горели сразу три подсвечника, да на столе еще имелся канделябр с шестью свечами. Их огонь освещал белоснежную скатерть, играл на хрустале бокалов; в ведерке со льдом покоилась бутылка шампанского, виднелись разнообразные закуски; укутанная полотенцами, высилась кастрюля с горячим блюдом. За столом сидели величавого вида дама, в которой майор с трудом узнал Катю, и солидный чиновник в инженерной тужурке, в котором угадывался Игорь Дружинин.

– А вот и супруг мой вернулся! – воскликнула Катя, вскочив с места и устремляясь навстречу майору. – Со службы! Усталый! Оцени, драгоценный супруг, мои старания и заботы!

– Старания... да, я оценил! Оценил! – проговорил Углов покровительственным тоном. – А по какому случаю праздник? Вы с Игорем поймали убийцу императора? Изобличили весь заговор? Нашли кукловода?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.